

Святылища энеолита и бронзового века Западной Сибири, как источник астрономических знаний и космологических представлений в древности

Тамила Михайловна Потемкина

Отдел Бронзового века, Институт Археологии РАН, ул. Дм. Ульянова 19, Москва
117036, Российская Федерация; e-mail: tamilapt@mail.ru

Аннотация

В статье на основе материалов раскопок святылищ эпохи энеолита (Савин 1, Слободчики 1, Велижаны 2) и бронзового века (Сузгун 2, Чудская Гора) лесостепной и южно-таежной зон бассейнов рек Тобол и Иртыш рассмотрены выявленные астрономические знания и космологические представления древнего населения данной территории. Источником для их реконструкции являются особенности организации сакрального пространства, связанные с ландшафтной привязкой, планировкой и архитектурой святылищ в целом и отдельных их объектов, характером функционирования, спецификой культово-обрядовых действий, семантикой отдельных предметов ритуального назначения, территориальной и культурной принадлежностью исследованных памятников. Используя имеющиеся археологические свидетельства в единой системе сопоставления с данными археоастрономии и этнологии, автор статьи пытается выявить связь установленной в процессе исследования совокупности общих признаков культовых мест с конкретными представлениями древнего населения о Вселенной.

По имеющимся данным, основу астрономических знаний и связанных с ними космологических представлений составляла оформившаяся в конце неолита - энеолите трехчастная Модель мира в ее горизонтальной и вертикальной проекциях. Ведущей формой отправления культов являлись коллективные жертвоприношения, тесно связанные с календарной обрядностью. Согласно астрономическим привязкам, самые большие жертвоприношения совершались в дни осеннего равноденствия во время массовой охоты на копытных животных. Наблюдаемая связь основных церемоний с восходом солнца и лунными циклами свидетельствует о существовании солярного и лунного культов.

Основные схемы и элементы данной модели Вселенной и их проявления в ритуально-обрядовой практике сохранились у местного аборигенного населения

рассматриваемой территории (манси, ханты) до этнографической современности. Это сходство обусловлено преемственностью культурных традиций, близостью этнического состава населения, спецификой среды обитания в лесной зоне.

Ключевые слова: святилище, культовое место, сакральное пространство, ритуал, мировоззрение, модель мира, ориентир, астрономические знания, космологические представления, археоастрономия, археологические источники, керамика, жертвоприношения.

Введение

На территории Урало-Западносибирского региона, включая исконные земли народов ханты и манси, известны десятки древних святилищ различных типов от палеолита до средневековья. Каждое из них имеет свои неповторимые особенности, связанные с ландшафтной привязкой, спецификой планировки, эпохальной и территориальной принадлежностью, характером совершавшихся там культово-обрядовых

действий. Одновременно во всех видах святилищ присутствуют общие признаки, характерные для культовых мест, фиксируемые археологически и, что особенно важно, встречающиеся в совокупности и тем самым свидетельствующие о сакральной нагрузке памятника.

Наличие этих признаков с учетом особенностей отдельных святилищ позволяют составить общее понятие об уровне мировоззренческих представлений и связанных с ними ритуальных действиях для древнего населения в целом и для конкретных эпох и территорий в частности. Исследования последних лет с использованием методов археоастрономии показывают, что практически все виды археологических памятников эпохи энеолита и бронзового века Урало-Западносибирского региона (поселения, грунтовые могильники, курганы, разного типа культовые объекты) содержат в разной степени свидетельства астрономических знаний и основанных на них определенных представлений о Вселенной [1-6].

Основополагающим принципом древних знаний о Небе были визуальные наблюдения за движением основных светил. Наиболее информативны для реконструкции древних астрономических знаний и космологических представлений энеолитические круглоплановые святилища со столбовыми конструкциями, образующими систему астрономических ориентиров [7,8]. Это позволяет привлекать данные астрономической науки для выводов, связанных с древним и традиционным мировоззрением.

Используя все имеющиеся свидетельства в единой системе сопоставления археологических, археоастрономических, этнологических, мифологических и других материалов есть возможность, с одной стороны, установить связь планировки и архитектурных элементов святилищ, а также целого ряда обнаруженных там находок, с конкретными представлениями древнего населения о Вселенной; с другой – попытаться выявить пути дальнейшего развития, возникших и оформившихся в эпоху энеолита мировоззренческих схем и моделей, вплоть до этнографической современности.

Исходя из данного тезиса, автор делает попытку показать: как тема Неба, отражающего ритм существования всего живого в природе, получила отображение в объектах материальной культуры первобытного общества Тоболо-Иртышья, прежде всего в мировоззренческой ее части; как эта тема находила отражение в сезонных культово-обрядовых, языческих по характеру, празднествах, отголоски которых сохранились до наших дней в народной памяти и культуре аборигенного населения данной территории - манси и хантов [9, 10].

Основу мировоззренческих представлений древнего населения северо-лесостепных и южно-таежных зон Западной Сибири, связанных с пониманием Вселенной, во многом определяли особенности географических и исторических условий региона.

На протяжении последних 6-7 тысяч лет оставались практически неизменными природно-климатические условия и хозяйственные занятия населения, связанные с охотничьим и рыболовным промыслом, что способствовало существованию сходной системы жизнеобеспечения и схожей манеры адаптации к природной среде от неолита до этнографической современности.

Специфической особенностью данного региона являются ежегодные сезонные миграции копытных животных (лося, оленя, косули) с западных склонов Урала на восточные (осенью) и обратно (весной). Это обуславливало относительную надежность основного вида промысла, от которого зависело благополучие людей в течение круглого года [11].

Со спецификой природной среды тесно связана и особенность историко-культурной ситуации этой территории, основанная на длительной преемственности культурных традиций и близости этнического состава населения. К числу немаловажных историко-культурных факторов урало-западносибирского региона относятся и постоянные связи и взаимодействия с населением степной зоны, среди которых на протяжении многих эпох преобладали юго-западные импульсы, периодически усиливающиеся или затухающие, но оставляющие заметный след в истории и культуре населения лесостепной и южно-лесной зоны Западной Сибири. [12, 13]. В формировании мировоззренческого комплекса древних народов Урала и Сибири, особенно обских угров, приняли также участие проникавшие сюда элементы ведийско-зороастрийских верований.

Отмеченные природно-географические и историко-культурные особенности, составившие основу миропонимания древнего населения, оставались в урало-западносибирском регионе практически неизменными на протяжении последних пяти тысячелетий.

Святылища эпохи энеолита

К числу наиболее исследованных святылищ эпохи энеолита на территории северо-лесостепного и южно-таежного Тоболо-Иртышья относятся Савин 1, Слободчики 1 в Белозерском районе Курганской обл. (55,4° с.ш.) и Велижаны 2 в 40 км к северу от Тюмени (57,4° с. ш.). Особенностью планировки всех трех культовых комплексов является круглоплановая архитектура, оформленная кольцевыми рвами и столбовыми конструкциями.

Святилище Савин 1 расположено в широкой пойме на береговом останце высотой 2-3 м (рис.1, 1).

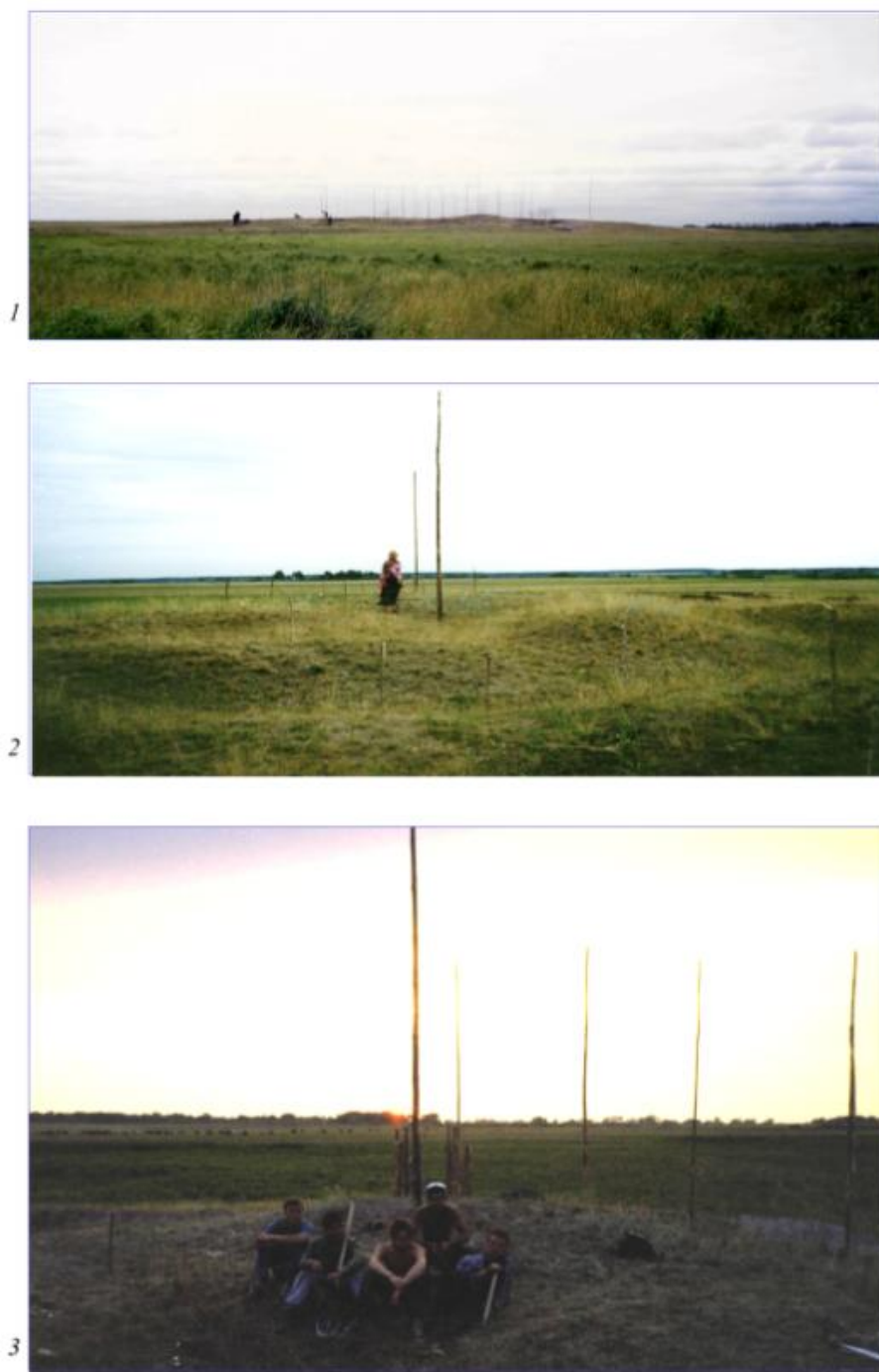
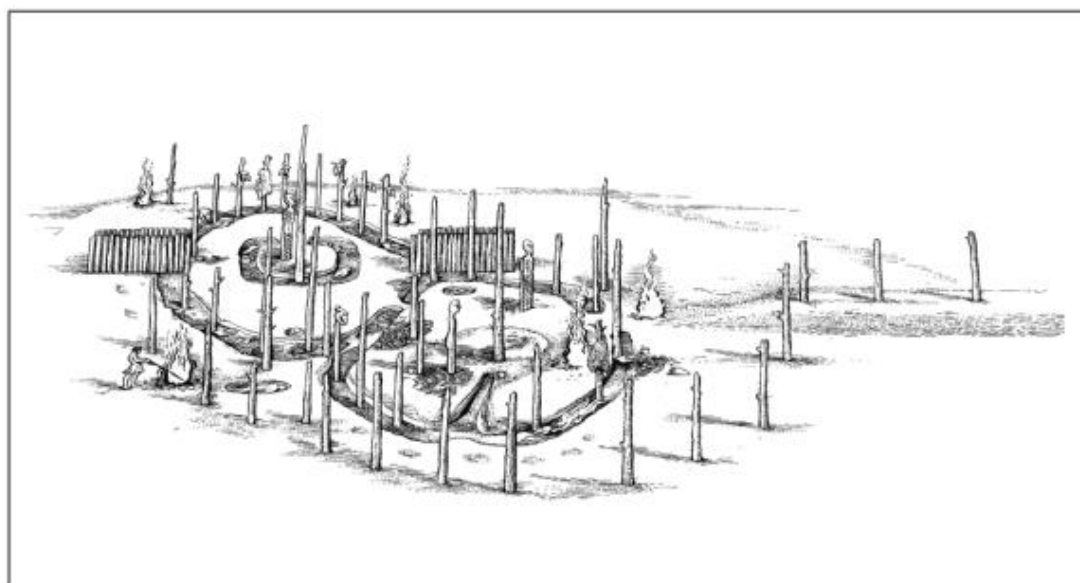

Рис. 1. Святилище Савин 1.

1 – общий вид святилища Савин 1 с юга в период реконструкции (1997 г.); 2 – кольцевой ров второго круга через 12 лет после раскопок; 3 – наблюдение захода солнца в период реконструкции памятника (27 июля 1997г.).

На вскрытой площади 1100 кв. м исследованы сооружения из двух примыкающих кругов, очерченных рвами, с внутренним диаметром 14 м и 16 м (рис.1, 2; 2, 1, 2; 3, 2, 3). В первом круге с восточной и западной сторон имелись коридорообразные входы длиной до 4 м (рис.2, 1; 2 -1).

1

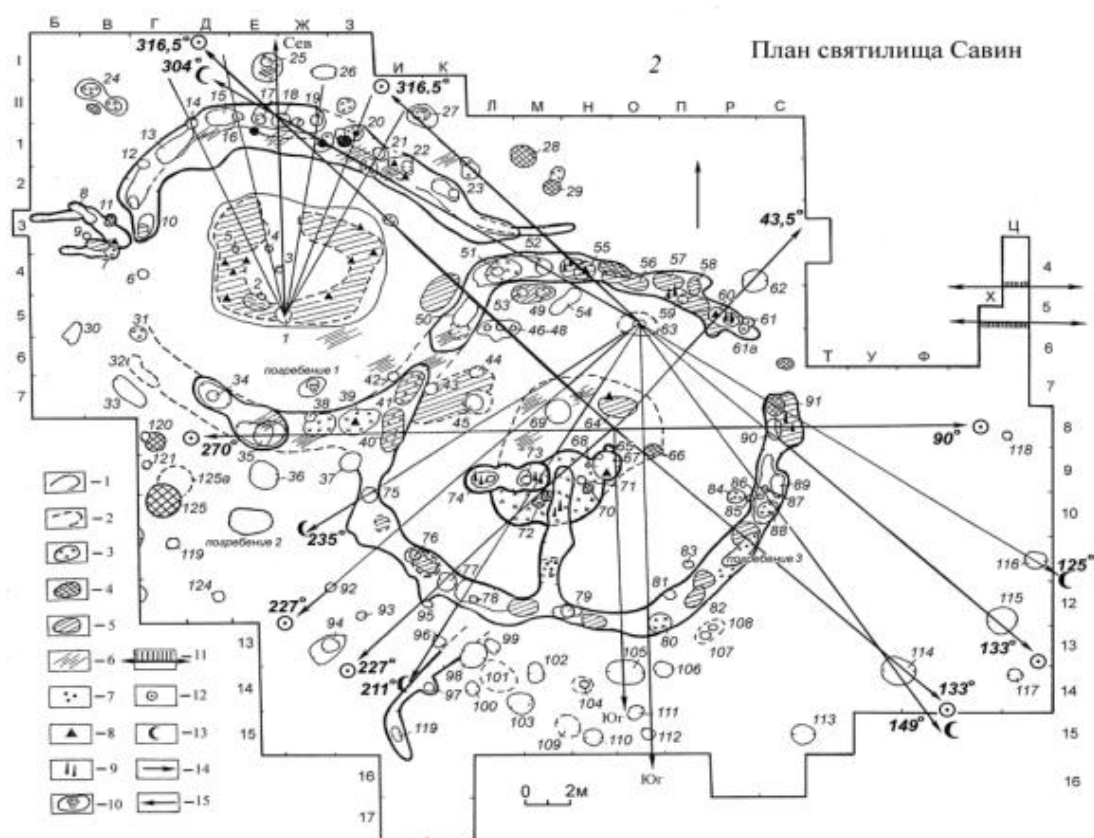

Рис. 2. Святилище Савин 1.

1 – графическая реконструкция святилища (по Потемкиной Т.М.);

2 - план раскопа: 1 – очертания канав, ям и столбовых ямок с указанием номера на глубине 100 см; 2 – нечеткие очертания; 3 – углистый слой с углями; 4 – прокаленный слой; 5 – ямы, заполненные костями животных; 6- скопление костей на уровне древнего горизонта и в ямах; 7 – пятна охры; 8 – развалы сосудов; 9 – скопление керамики; 10 – яма с черепами взрослого и ребенка; 11 – границы «малого вала» в пределах раскопа; 12 – солнце; 13 – луна; 14 – восход; 15 – заход.

В центре круга находилось углубление прямоугольной формы (7,5х6 м) вытянутое по линии запад – восток. Во втором круге был один проход с северо-восточной стороны в виде разрыва во рву шириной около 3 м; в центре - подпрямоугольное углубление (9х5,6 м) в виде утоптанной углистой площадки [14].

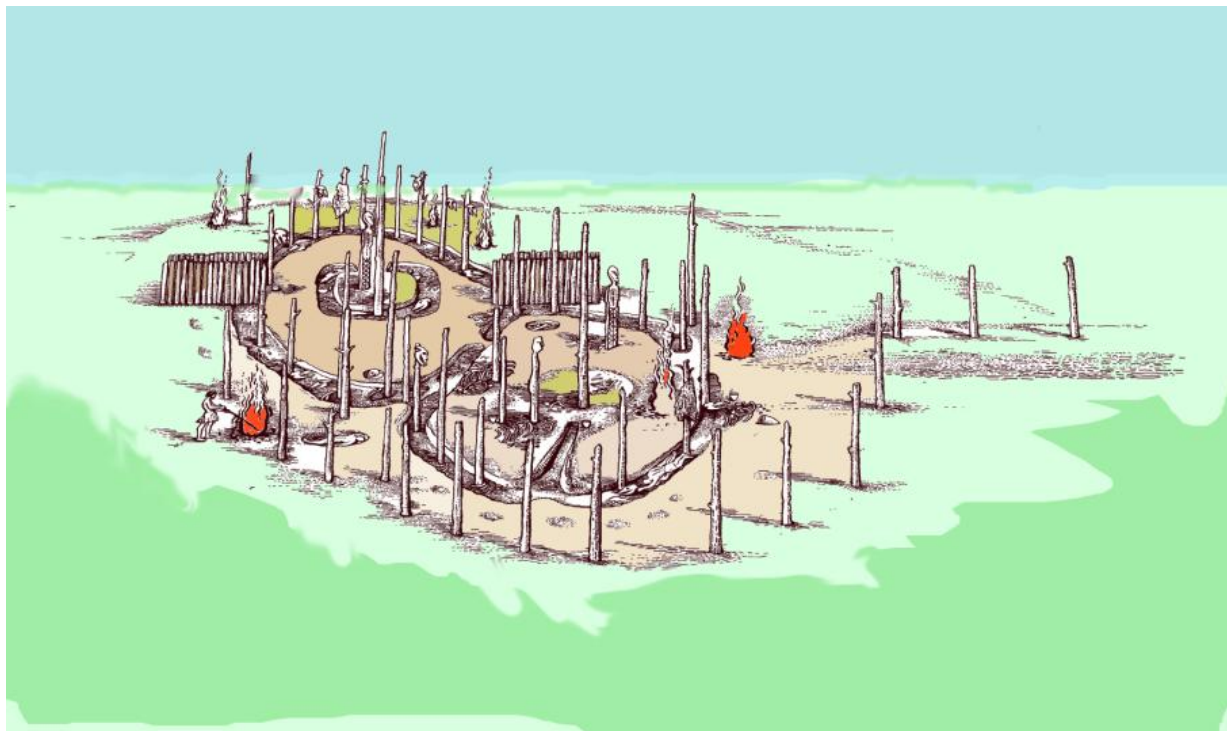

Рис. 2-1. Реконструкция святилища Савин 1 в цвете (по Потемкиной Т.М.).

Существенной, возможно, даже основополагающей конструктивной особенностью сооружений святилища являлись столбы, установленные в центре круговых площадок, по дну кольцевых рвов и вокруг них с внешней стороны (рис. 2, 1; 2; 3, 3), расположенные с интервалом 1,5-2,5 м (более 120). Среди них имеются также ямы со следами разведения огня (около тридцати) (рис. 5, 5). Многие из столбов по отношению к центрам очерченных рвами кругов ориентированы на значимые астрономические направления, связанные с восходами и заходами солнца в дни равноденствий и солнцестояний, а также луны в крайних её позициях [15, 16]. К астрономически ориентированным столбам приурочены наиболее мощные скопления находок – костей животных, керамики, орудий труда (рис. 5, 1, 2, 6-8).

Важной частью архитектуры святилища, связанной с его пространственной и временной организацией, являлись два вала, расположенные строго к востоку от центров круговых сооружений.

Первый вал длиной 30 м начинался в 8-10 м от восточного входного коридора первого круга, в 16-18 м от его центра (рис. 1, 1; 2, 1, 2). Ось вала составляла одну линию запад - восток с центральным столбом первого круга (№ 3), двумя другими во рву (№№ 51, 52) и за его пределами (№ 62) (рис. 2, 1; 2А, 1). Рядом с этими столбами найдены мощные скопления костей животных, керамики, каменных орудий, залегающих на углистом или прокаленном слое (рис. 5, 4, 6-8).

Рис. 2А. Святилище Савин 1.

1 – вид из центра первого круга на малый и большой валы в процессе реконструкции; 2 – восточная стенка разреза малого вала, вид с северо-запада. В профиле стенки светлой линзой выделяется вал эпохи энеолита, выше – следы наслоений последующего времени, связанные в основном с периодическими разливами реки Тобол.

1

2

3

Рис. 3. Святилище Савин 1.

1 – реконструкция характера функционирования столбов в северной половине первого круга святилища; 2 – северная часть кольцевого рва первого круга после зачистки на глубине -120см (справа налево кв. Г-Ж / I-2, темные пятна – столбовые ямы №№ 15-20, 25); 3 – дно рва первого круга со столбовыми ямами и скоплениями находок рядом на глубине -150 см (кв. Ж-И / 1-2, столбовые ямы -№№ 17-22)

1

2

Рис. 4. Святилище Савин 1.

1 – большой вал, вид с северо-запада; 2 – вид на большой вал из центра второго круга.

Рис. 4А. Святилище Савин 1.

1- большой вал, вид с северо-запада; 2, 3 - разрез большого вала: 2 –восточная стенка, вид с северо-запада, 3 – восточная стенка, вид с юго- запада.\

Второй вал длиной 100 м, высотой 0,9-0,4 м находился в 150 м к востоку от центра второго круга (рис. 4, 1, 2). Его ось также составляла одну линию запад-восток с центром этого круга и двумя столбами во рвах с противоположных сторон (№№ 35, 90) и столбом за пределами рва (№ 118) (рис. 4, 2). Под насыпью обоих валов выявлены столбовые ямы, древесный тлен, следы кострищ (рис. 2А, 2; 4А, 2,3).

Рис. 5. Савин 1. Археологические свидетельства культово-обрядовых действий.

1 – скопление заготовок каменных орудий, кв. М-10 у столба № 72; 2 – votivные предметы из глины, кв. В-3, яма 11; 3 – погребение 3 во рву, верхний ярус; 4 – дно рва второго круга со следами сильного горения огня (кв. Н-П/4, 5); 5 – культовая яма 28, кв. М-1; 6-8 – скопление костей: кв. Н, О/4, яма 55; О,П/ 5, ямы №№ 57, 58; М-4, ямы №№ 49, 53.

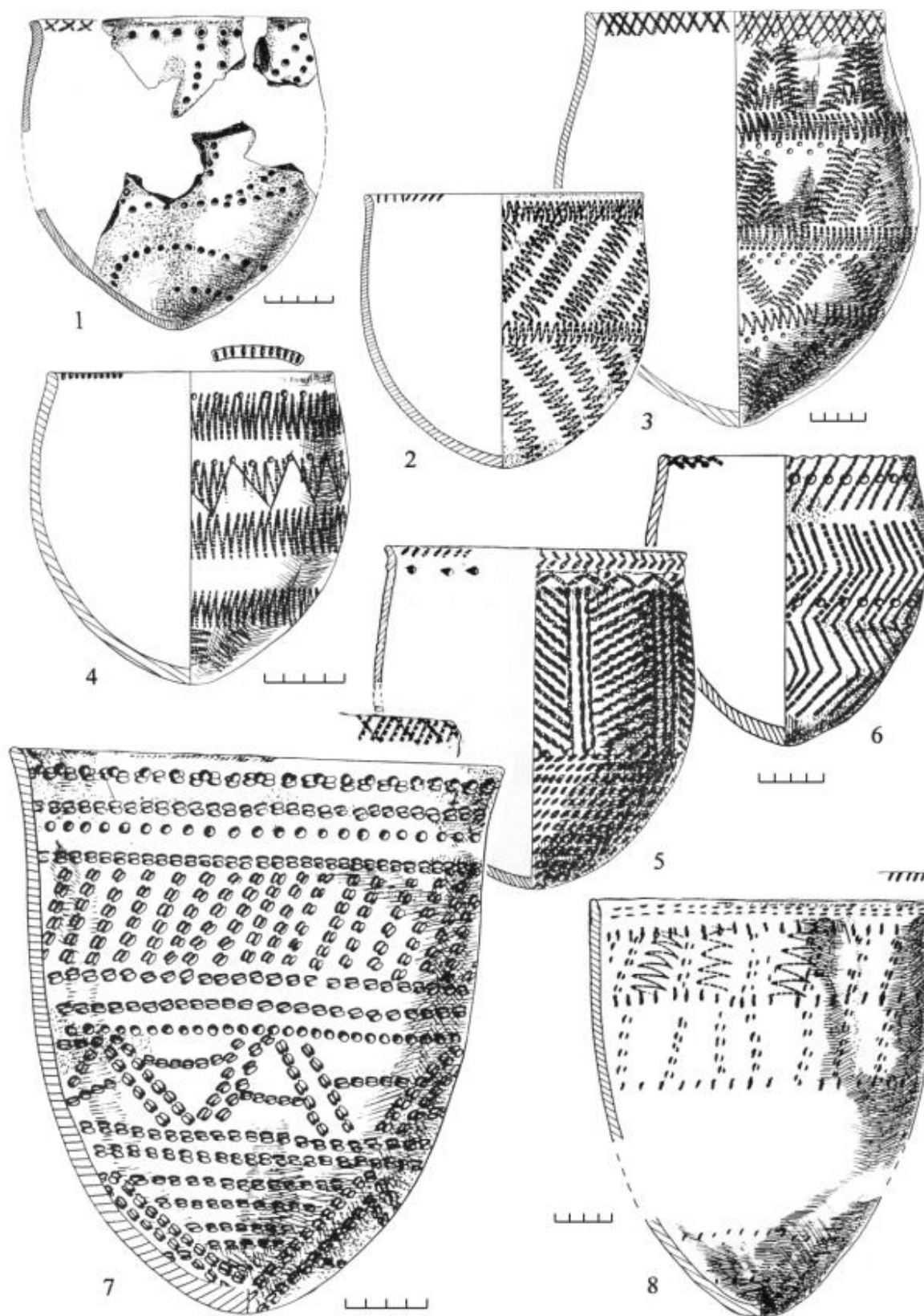

Рис. 6. Савин 1. Керамика.

1, 3, 4, 6 – из заполнения рва, кв. Е-К/1, 2; 7, 8 – из центрального углубления.

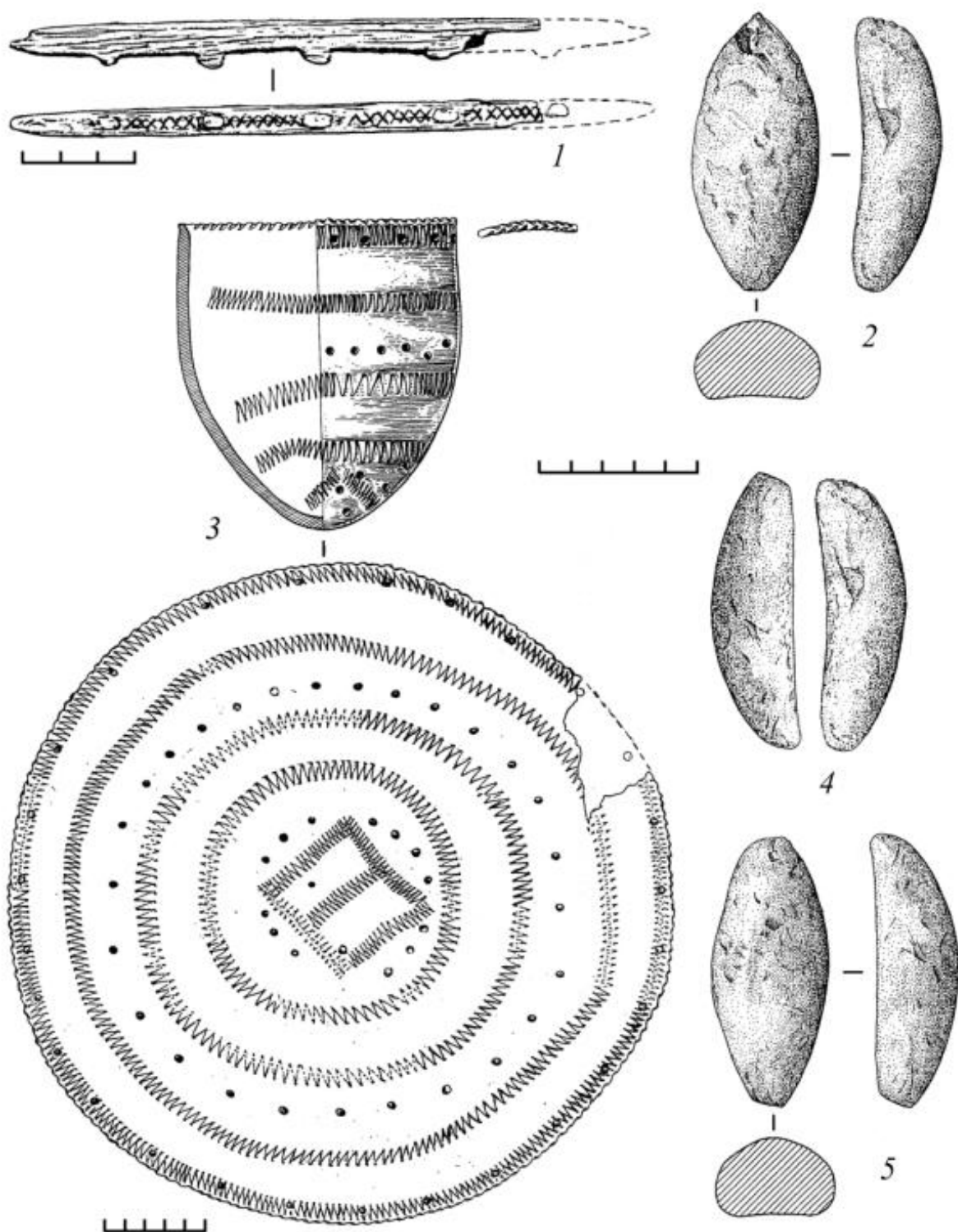

Рис. 7. Святилище Савин 1. Предметы с лунной символикой.

1 – костяная пластина с резными крестиками, центральное углубление; 2-5 – сосуд и глиняные предметы, кв. В-3, яма 11.

Полученный в процессе раскопок материал, прежде всего керамика, позволяет относить святилище Савин 1 к сосновоостровской культуре зауральско-казахстанской культурно-исторической общности гребенчатого геометризма эпохи энеолита (рис.6; 7). Носители культур данной общности в этническом плане связываются большинством исследователей

с угорским (или финно-угорским) населением [17]. Памятник датирован в рамках первой половины III тысячелетия до н.э. [18].

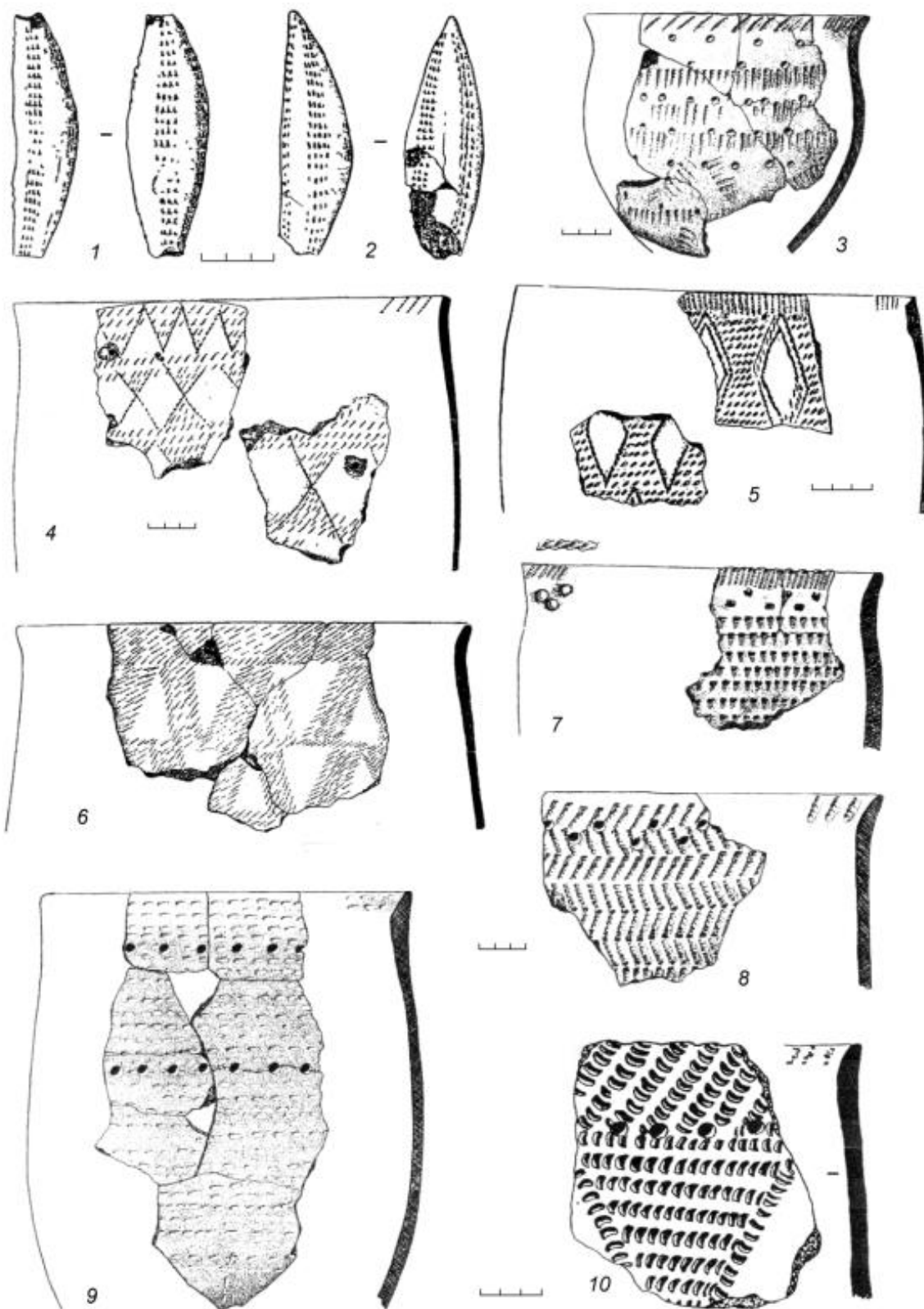

Рис. 8. Слободчики 1. Вещественный материал.

1, 2 – глиняные вотивные предметы; 3-10 – керамика. 1-10 – по Вохменцеву 2000б: 251-260, рис. 83, 1, 3; 84, 1; 85, 1-3; 86; 87, 3.

Святилище Слободчики 1 находится также на береговом останце, на расстоянии 0,8 км к западу от Савина 1, исследовано частично (288 кв.м). Здесь выявлены часть кольцевой канавы диаметром около 14 м с проходом в южной части и прямоугольное углубление (7х8м) в центре круга [19-21].

В пределах круговой конструкции были зафиксированы столбовые ямы, остатки кострищ. В центральном углублении и канаве встречены скопления костей животных, среди которых найдены фрагменты керамики, изделия из камня, глины и кости (рис. 8). На дне углубления отмечены довольно мощные наслоения углистой супеси и прокаленного грунта.

На **свадильище Велижаны 2** (раскоп 527 кв. м) обнаружены два вписанных друг в друга концентрических круга, очерченных рвами (рис. 9). Внешний ров имел диаметр 19,2 м с тремя проходами в северо-восточном, западном и южном секторах.

На дне рва, кроме ямок от столбов и кострищ, выявлены четыре глубокие ямы, расположенные в северо-восточном, восточном, северо-западном и юго-западном направлениях (рис. 9, А-Г). Ямы имели большие размеры, в их заполнениях прослеживалось по несколько (до десяти) чередующихся наслоений из углистой супеси и серого песка, в отдельных случаях охры. Каждый слой представлял собой сгоревшие плахи, на которых стояли сосуды.

Внутренний круг диаметром 5,2 м представлял собою углубленную, сильно утопанную площадку, в центре которой находился мощный столб, определявший центр всего святилища [22, 23]. К западу и востоку от него в пределах внутреннего ровика обнаружены восемь ямок с охрой. По дну ровика было поставлено 13 столбов-мет. Вокруг кострищ, ямок с охрой и столбов стояло множество сосудов (большинство - вверх дном). В некоторых из них остался нагар, иные содержали охру. Практически всё пространство внутри круга было заполнено сосудами, их обломками, глиняными поделками (рис.9).

На святилище Велижаны 2, как и на Савине 1, значительная часть столбовых и жертвенных ям с сосудами, охрой и углистой супесью приурочена к значимым астрономическим направлениям, связанным с точками восходов и заходов солнца и луны на горизонте в дни солнцестояний и равноденствий.

По своей культурной принадлежности святилище Велижаны 2 близко энеолитическим святилищам, описанным выше.

Таким образом, основополагающей конструктивной особенностью архитектуры всех трех исследованных круговых святилищ лесостепного-южнолесного Притобольшья являлись столбы, установленные в центре круговых площадок, по дну кольцевых рвов и вокруг них с внешней стороны (126 столбовых ям - на Савине 1, 74 - на Велижанах 2). Многие из столбов были ориентированы на значимые астрономические направления (рис. 1, 3; 2, 2; 4; 9), связанные с восходами и заходами солнца в дни равноденствий и солнцестояний, а также луны в крайних её позициях [24, 25]. К этим столбам были приурочены наиболее мощные скопления находок и следов кострищ. Некоторые из столбов – результат уточнения нужных направлений, перестройки, замены пришедших в негодность. Многие из них могли иметь чисто ритуальное значение: выполняли функции идолов или жертвенных столбов.

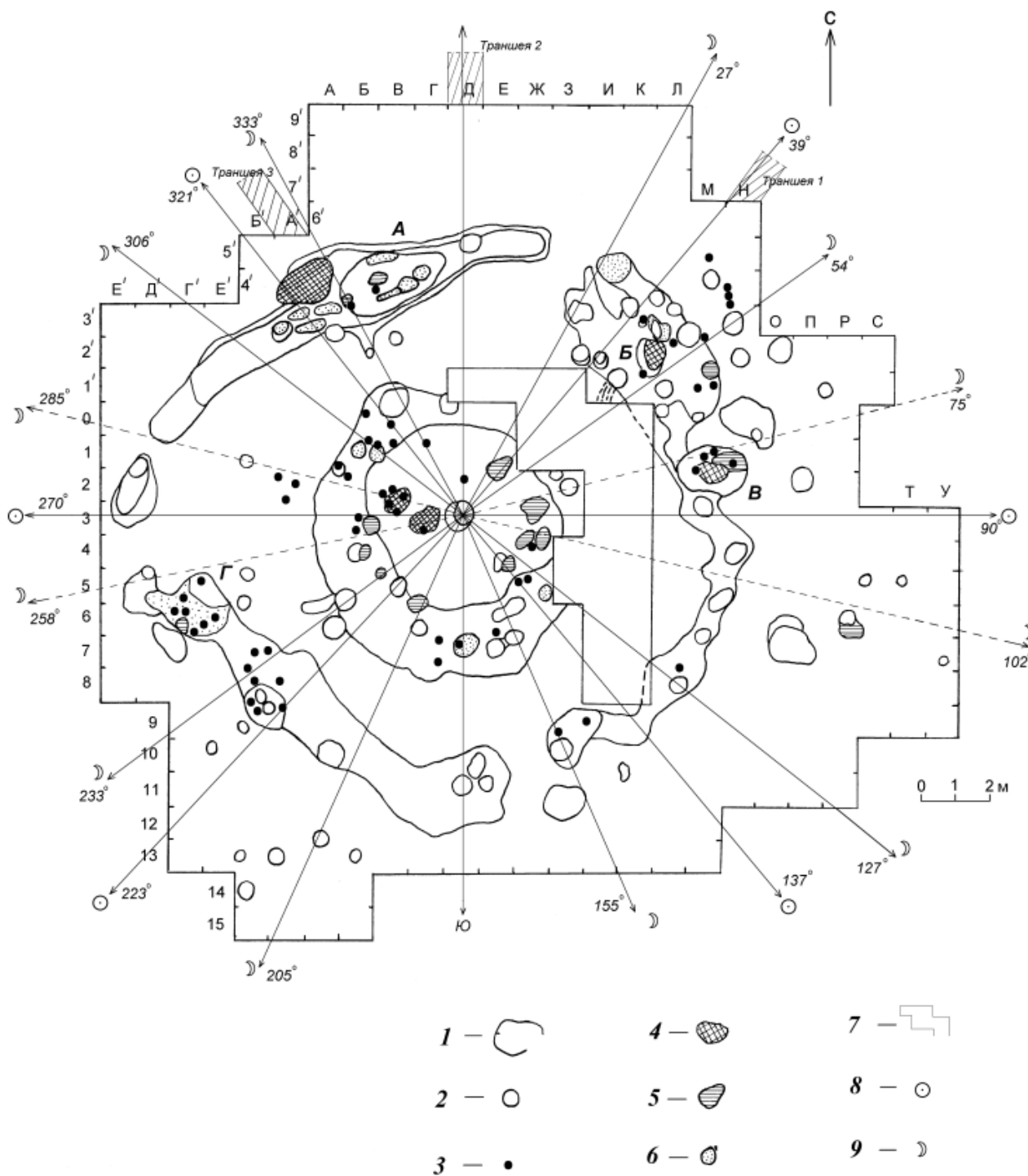

Рис. 9. Велижаны 2. План святилища.

Выполнен по полевым чертежам Л.А. Дрябиной, переданным автору публикации в 1993 г. Астрономические ориентиры – по Т.М. Потемкиной.

1 – очертания канав и ям на глубине -90 - 100см; 2 – столбовая яма; 3 – сосуд; 4 – кострище; 5 – ямы с охрой; 6 – ямы с углистым слоем и отдельными углями; 7 – участок с высокими соснами; 8 – солнце; 9 – луна.

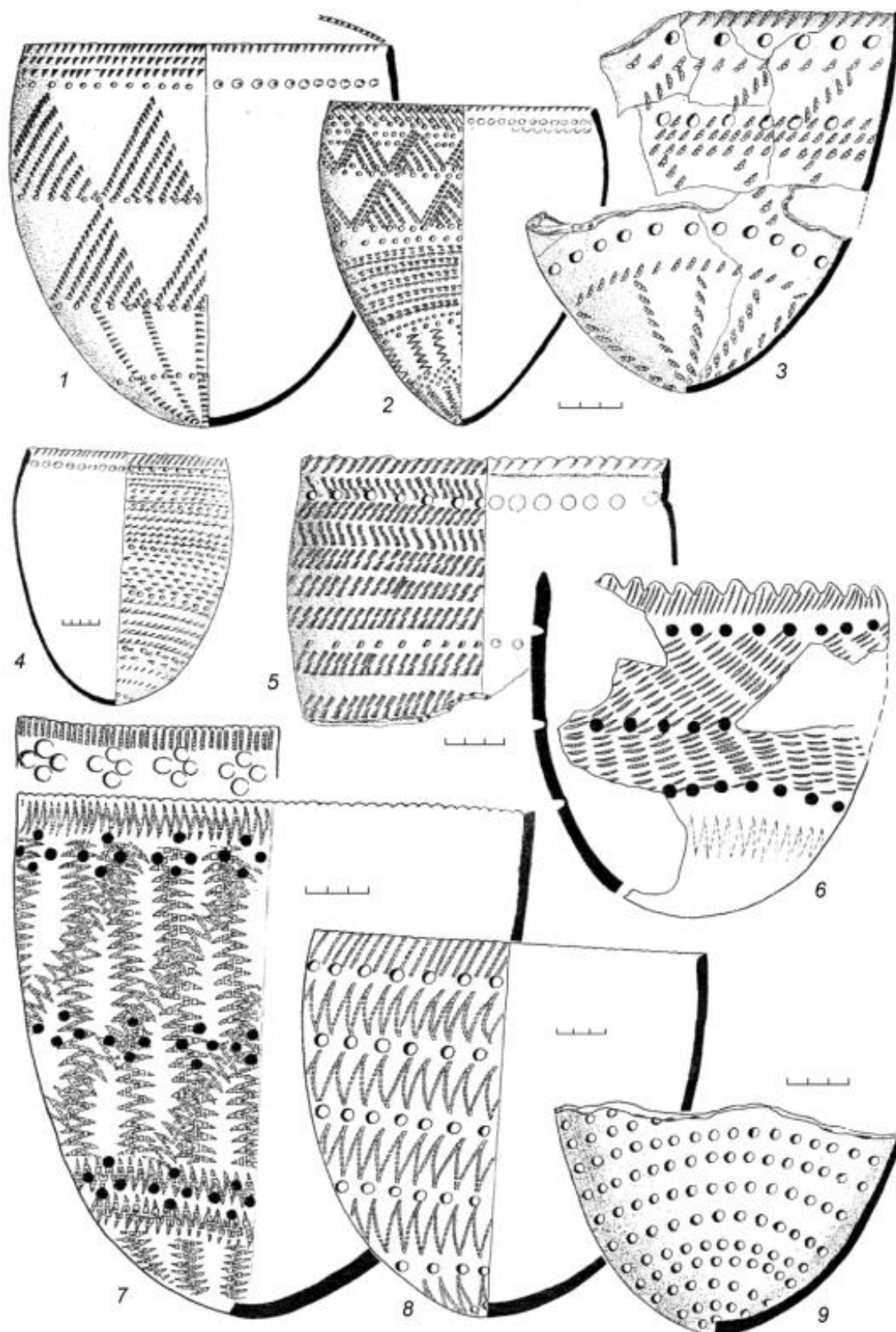

Рис. 10. Велижаны 2. Керамика.

Рисунки Л.А. Дрябиной, переданы автору публикации в 1994г.

Общая характеристика энеолитических святилищ

На всех трех святилищах обнаружен массовый археологический материал. На Савине 1 - 5400 фрагментов керамики от 380 сосудов, 1800 орудий из камня и глины, 3900 костей животных (определение В.П. Данильченко), принадлежащих лошади (160 особей), косуле (72), лосю (25), кабану (9), медведю (1), волку (1). На святилище Слободчики 1 [Вохменцев 2000б: 87 – 90] найдены около 1000 фрагментов керамики, более 50-ти изделий из камня, кости, глины, многочисленные кости животных (лося - 37 особей, медведя – 14, кабана – 12, косули – 10, лошади - 5, зайца, выдры, куницы – по 2 особи, волка - 1), рыбы (определение П.А. Косинцева). В коллекции Велижан 2 – более 60-ти целых и раздавленных сосудов, кости животных отсутствуют.

На святилищах Савин 1 и Слободчики 1 обнаружены также ритуальные погребения людей [26, 27]. В первом случае – захоронения двух черепов (взрослого и ребенка) в южной части первого круга и трех взрослых людей (двух мужчин зрелого возраста и девушки) в юго-восточном секторе второго круга (рис.5, 3) в направлении восхода солнца в зимнем солнцестоянии (определение Г.В. Рыкушиной); во втором случае, также в юго-восточном секторе канавы, обнаружен неполный скелет женщины в возрасте 50-60 лет (определение А.Н. Багашева).

Находки на очерченной рвами площади святилищ концентрировались в основном большими и малыми скоплениями. Самые мощные скопления всех видов находок встречены в центральных углублениях и в кольцевых рвах вокруг столбовых ям, фиксировавших астрономически значимые направления.

Так, на святилище Савин 1 в центральном углублении первого круга обнаружены 1290 костей животных от 49 особей, принадлежавших преимущественно лошади (около 70%), основная часть целых и раздавленных сосудов, орудий и оружия.

В центре святилища Слободчики 1 в скоплениях костей животных и керамики найдены отдельные кости человека. Особенностью остеологической коллекции этого памятника является присутствие сравнительно большого числа особей медведя (14), что, возможно, связано с особым статусом памятника в системе культово-обрядовых действий энеолитического населения Притоболья.

На святилище Велижаны 2 в пределах внутреннего круга были сосредоточены половина развалов сосудов (более 30-ти) и основная часть ямок с охрой из числа обнаруженных на памятнике. Большинство сосудов здесь были поставлены вверх дном, многие содержали охру.

В центральных углублениях святилищ обнаружены также предметы культового характера. На святилище Савин 1 найден лунный календарь на костяной пластине, разделенной на четыре секции, в каждой из которой нанесен орнамент из семи крестиков (рис. 6, 1). В жертвенной яме 11 в пределах западного входного коридора первого круга, ориентированного в направлении появления молодой луны в дни равноденствий, найден комплекс предметов с лунной символикой: сосуд с орнаментом, символизирующим модель Вселенной и святилища, и одновременно являющийся лунным календарем (рис. 6, 3); два глиняных пирожкообразных предмета в ямке с охрой в положении *in situ*, сложенные вместе (рис.4, 2; 6, 2, 4, 5).

Местоположение глиняных предметов и условия их размещения позволяют считать их моделями половинок дисков луны, символизирующих ее фазы [28, 29]. Одновременно это положение глиняных изделий и их форма могли символизировать женское начало,

особенно учитывая факт совпадения по времени лунных и женских циклов. Возможно, это была одна из причин того, что луна у большинства древних народов мира считалась женским божеством. Всего на святилище Савин обнаружено около 40 аналогичных глиняных изделий, основная часть которых найдена в западной половине центрального углубления первого круга. Аналогичные изделия, только орнаментированные, найдены также в центральном углублении святилища Слободчики 1 (рис. 8, 1, 2).

В центре второго круга в ямке диаметром 25 см выявлен комплекс заготовок наконечников копий, стрел и скребков - всего 28 экз. из светлой яшмы, окрашенных охрой (рис. 4, 1). Комплекс, несомненно, является жертвенным.

На каждом из упомянутых святилищ имеются свои особенности, связанные с присутствием тех или иных значимых астрономических ориентиров, указывающих на время совершения больших жертвоприношений. На святилище Савин 1 наибольшая концентрация находок наблюдалась у столбовых ям в кольцевых рвах, фиксирующих направления на восходы солнца в дни равноденствий (21 марта и 23 сентября). Эти столбы располагались на одной осевой линии с центральными столбами и валами. Только в ямах у восточного входного коридора первого круга было обнаружено более тысячи костей животных от 50-ти особей, преимущественно лошади, вместе с керамикой, кремневыми орудиями, мощными углистыми прослойками (рис. 5, 4, 6-8).

На святилище Савин 1 прослежена также интересная особенность распределения костей, связанная с лошадью: в верхнем заполнении столбовых ям, расположенных с определенным интервалом в северной половине кольцевого рва первого круга (рис. 2; 3, 1, 3), встречены исключительно кости черепа и нижней части конечностей по одной особи лошади (9 случаев) и лося (1 случай). Все эти столбы, как было установлено в процессе реконструкции святилища, фиксировали по тени центрального столба-гномона положение солнца на небосводе в течение светового дня (рис. 3, 1), как бы отмечая этапы дневного пути солнца (своего рода солнечные часы).

По расчетам астронома В.А. Юревича, солнечные часы на плоской площадке святилища Савин 1 делили время на разные интервалы в разные дни года и на разные части внутри дня. Но для интервалов времени вблизи полудня, как это имело место в северном секторе первого круга (рис. 2, 1, 2; 3, 1), это было незаметно. По расчетам для дней равноденствий получилось, что тень от центрального столба смещалась от столба 14 к 16 за 39 минут, от 16 к 18 (полуденному) – за 36 мин., от 18 к 19 – за 31 мин., от 19 к 20 – за 36 мин., от 20 к 21 – за 31 мин., от 21 к 22 – за 31 мин. В среднем интервал времени составлял 34 ± 3.5 мин. В дни летнего солнцестояния, когда азимут солнца меняется быстрее, время смещения тени от одного столба к другому составляло 25 ± 3 мин. [30].

На наш взгляд, столбы, отмеченные только черепами и конечностями одной особи лошади (остатки шкур с головой и частью ног?), могли служить своеобразными маркерами, фиксирующими конкретные отрезки времени, которыми руководствовались распорядители культовых церемоний в процессе проведения ритуалов. Одновременно эти данные могут свидетельствовать об особой роли лошади в космологических представлениях неолитического населения [31].

На святилище Велижаны 2 основные культово-обрядовые действия связаны с тремя большими ямами многоразового использования во внешнем рву со следами сторевших плах (от настилов?). В ямах находились сосуды, многие с охрой, каменные орудия, пятна охры, угли, мелкие кальцинированные косточки [32, 33]. Столбы в ямах фиксировали

направления восходов и заходов солнца, высокой и низкой луны в крайних позициях, преимущественно в дни летнего солнцестояния и равноденствий (рис. 9).

Но наиболее почитаемым местом на святилище, судя по характеру находок, была центральная площадка, окруженная ровиком, с большим центральным столбом посередине. При этом выявляется интересная закономерность: во внешнем рву все крупные жертвенные комплексы приурочены к восходам и заходам солнца и луны в дни солнцестояний; во внутреннем ровике и на центральной площадке – к восходам и заходам солнца и луны в равноденственные дни. Объяснить это можно, на мой взгляд, не только особенностями ритуалов в разное время года, но и условиями, в которых они совершались.

В *керамических коллекциях энеолитических святилищ* выделяется несколько культурных типов сосудов (сосновоостровский, постсосновоостровский, шапкульский, липчинский, андреевский), связанных с северо-лесостепным и южнолесным кругом памятников эпохи энеолита (рис. 6, 8, 10). В культурном слое каждого памятника названные типы сосудов залегали совместно. Однако количественное соотношение керамики различных традиций в комплексах разное.

На Савине 1 преобладающей (64-68%) является керамика постсосновоостровского типа (рис. 6, 2 - 4, 6). В керамическом комплексе Слободчики 1 наиболее многочисленна керамика с гребенчатым орнаментом сосновоостровского (рис. 8, 3, 7, 8) типа (60%) и шапкульского облика (34%), орнаментированная фигурным штампом (рис. 8, 10). Несмотря на отмеченное автором раскопок сходство двух расположенных рядом памятников [34], посуда святилища Слободчики 1, как и характер каменного инвентаря, видовой состав костных остатков, относящихся в основном к дикой фауне, оставляет впечатление принадлежности памятника к более раннему времени. Это подтверждается присутствием в коллекции памятника сосудов (рис. 8, 4-6, 9), имеющих аналогии в памятниках позднего накольчатого неолита тентексорской и орловской культур Северного Прикаспия [35, рис. 3, 1; 4, 1; 6, 1; 8, 1; 10, 1]. Имеющиеся данные стратиграфии святилища позволяют предполагать, что присутствие указанных сосудов может быть связано с существованием в северо-западной пониженной части памятника более раннего поселения.

Коллекция керамики Велижаны 2 наряду с постсосновоостровской керамикой (рис. 10, 1, 2, 7, 8) содержит в основном сосуды Андреевской (рис. 10, 9) и липчинской (рис. 10, 3-6) культур в притобольском варианте [36]. Отмеченные различия керамических коллекций могут объясняться как территориальными, так и хронологическими особенностями святилищ.

Имеющиеся материалы позволяют датировать Савин 1 и Велижаны 2 в рамках первой половины III тысячелетия до н.э. [37]. Начало функционирования святилища Слободчики 1 по ряду указанных выше признаков может быть датировано более ранним временем.

Материалы археологических раскопок и данные археоастрономии свидетельствуют, что зауральские круговые святилища осмысливались их создателями как модель Мира [38]. Они являлись достаточно крупными календарными сооружениями, служившими местом регулярных культовых действий. Основные обряды, сопровождаемые большими жертвоприношениями, совершались в значимые дни года, связанные с сезонными изменениями, но в каждом отдельном случае имелись свои особенности.

Жертвенные дары были представлены на одних святилищах животными, которых почитали и на которых охотились, сосудами с пищей, орудиями труда, культовыми предметами (Савин 1, Слободчики 1); на других (Велижаны 2) – только сосудами с пищей

или охрой, орудиями труда. Предназначенные божествам дары ставились у огня или бросались в огонь, разводимый в больших ямах во рвах и у астрономически ориентированных столбов, фиксирующих сезонные изменения. Святилища одинаково почитались окружающим населением разных культурных групп.

Святилища эпохи бронзы

Наиболее изученными святилищами эпохи бронзы являются Сузгун 2 и Чудская Гора сузгунской культуры, датируемые второй половиной II - началом I тысячелетий до н.э.

Культовое место Сузгун 2 находится на высоком останце правого берега Иртыша ниже устья Тобола (58,2° с.ш.). Раскопками (125 кв.м.) обнаружен мощный культурный слой со следами кострищ, углистых прослоек, пятен охры, массовых остатков фрагментов керамики и целых сосудов, отдельных предметов разного назначения. К их числу относятся литейная форма для кельта сейминского типа, голова животного из глины, два кремневых наконечника стрел и др. На сравнительно небольшой площади найдены обломки более 700 сосудов, среди которых много миниатюрных [39].

Планиграфия памятника и привлечение данных археоастрономии свидетельствует о присутствии здесь направлений как минимум по четырем сторонам света, которые учитывались при организации сакрального пространства и совершении культово-обрядовых действий (рис. 11). Жертвоприношения в виде сосудов с растительной пищей, накрытых берестой, ставились на специально устроенные земляные возвышения –уступы, расположенные по линии запад-восток между столбом (идолом?), вкопанным на наиболее возвышенной северной части святилища, и центральным обширным кострищем точно к югу от столба.

Не вызывает сомнения, что культовая площадка в период функционирования памятника была четко спланирована и все обряды совершались по определенной схеме. На это указывает также и распределение наиболее интересных с точки зрения символики находок на площади святилища: кусков охры и кучек принесенного со стороны желтого песка к югу от кострища; скульптурного изображения головы лошади из глины в направлении захода солнца в дни летнего солнцестояния (328°) по отношению к центру святилища (кострища); двух пряслиц к востоку от кострища (рис.9).

Городище Чудская Гора в Знаменском районе Омской области (57,1° с.ш.) занимает останец материкового берега Иртыша высотой 10-12 м (рис.12). Поселение сузгунской культуры (вскрытая площадь 640 кв. м) находится в центральной части горы (площадка 4), укреплено валами и рвами. Культовая часть памятника (530 кв. м) располагалась в юго-западной части горы (площадка 3), от жилой части поселения была отделена рвом [40]. Юго-западная оконечность горы (площадки 1, 2) также использовалась для совершения разного рода ритуальных действий: культурный слой здесь сплошь состоит из золы, углей, прокаленного грунта и сузгунской керамики.

Сакральная часть памятника включала четыре постройки полуземляночного типа с каркасно-столбовыми конструкциями и коридорообразными входами со стороны берега реки [41, рис. 7-9].

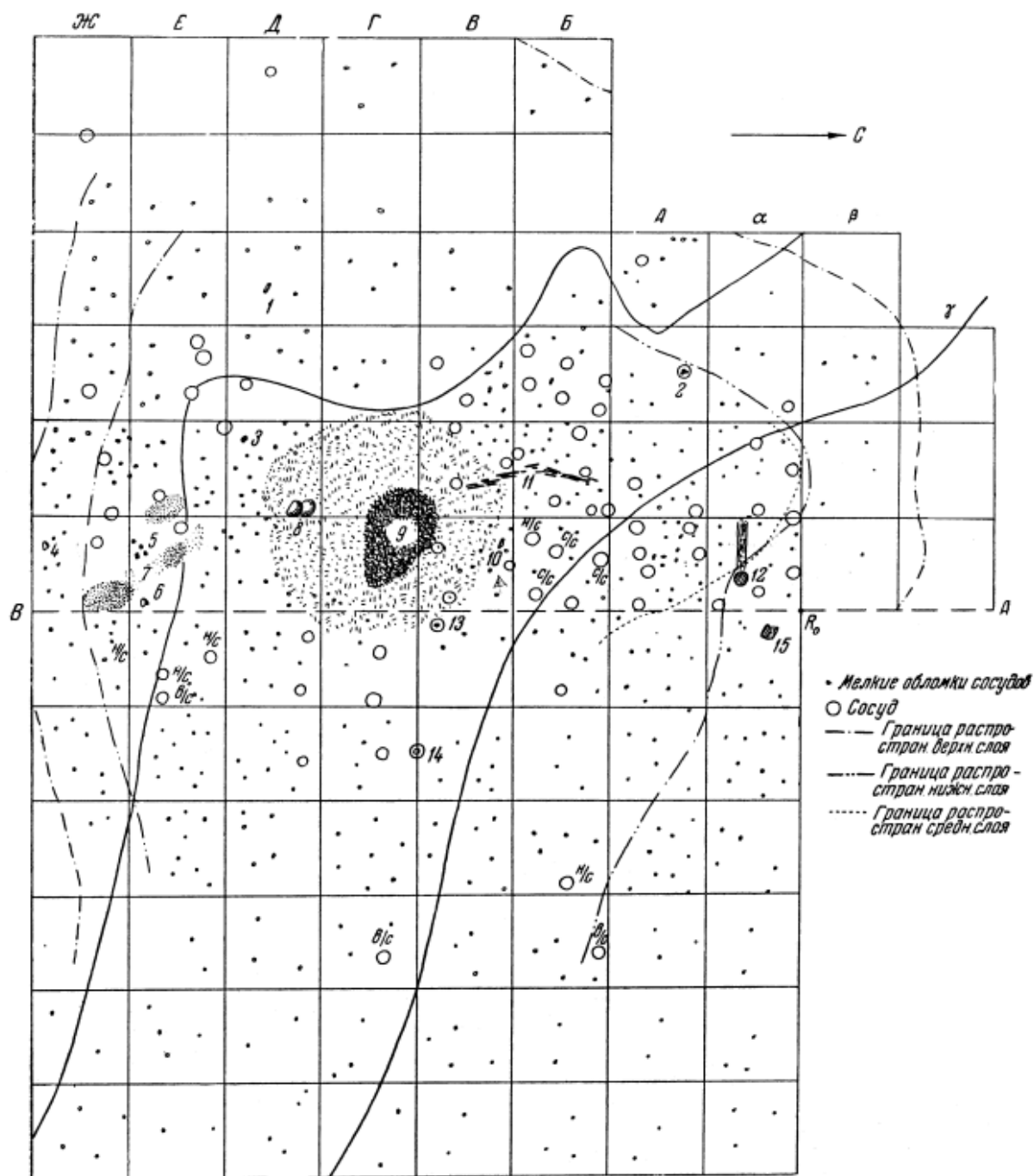

Рис. 11. Жертвенное место Сузгун 2.

План раскопа (по Мошинской [42, рис. 2]).

Сплошная линия - граница древнего ложка. 1 - точильный брусок; 2 - скульптурное изображение головы животного; 3 - кремневое сверло; 4, 10 - кремневые наконечники стрел; 5 - куски охры; 6 - камни; 7 - насыпной песок; 8 - обожженные камни; 9 - кострище; 11 - обгорелое дерево; 12 - пятно от столба; 13 - пряслице из черепка; 14 - глиняное пряслице; 15 - литейная форма для отливки кельта.

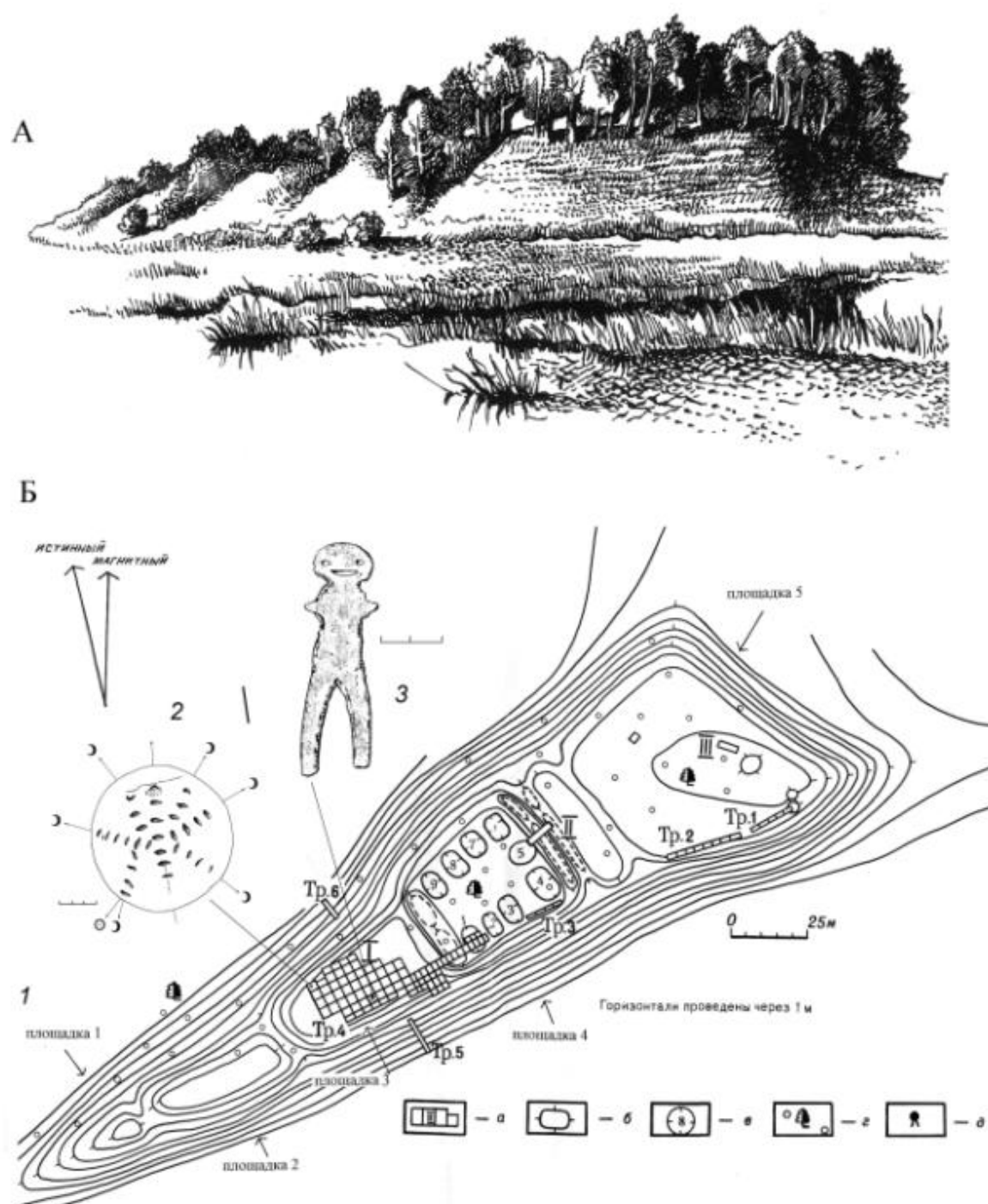

Рис. 12. Чудская Гора.

А – Общий вид памятника с южной стороны. Рисунок художника Н.С. Сафроновой.

Б – План памятника: 1 – план раскопа; 2 – рисунок дна сосуда №63 положения in situ; 3 – бронзовая антропоморфная фигурка с указанием местонахождения;

а – раскопы с указанием номера; б – курган; в – впадины от землянок; 4 – деревья; 5 – бронзовая фигурка.

Вдоль северо-восточных стенок сооружений прослежены остатки деревянных настилов, рядом с которыми находилась основная часть очагов, ям, кучек золы и кальцинированных костей, остатков жертвоприношений в виде скоплений сосудов, костей животных и рыбы, отдельных предметов.

В пределах культовых построек обнаружено более 120 целых и раздавленных богато орнаментированных сосудов и 17 тысяч фрагментов керамики. Наряду с крупными горшками найдены целые и раздавленные миниатюрные сосудики (61 экз.) [43]. Обнаружено также 25 разновидностей других находок (более 100 единиц), среди которых такой предмет культового назначения как антропоморфная фигурка из бронзы (рис. 12, 3; 14, 2).

Многие сосуды (16 экз.) были поставлены в положение вверх дном. Они располагались как в скоплениях с другими горшками, в основном вокруг кострищ, так и поодиночке. Почти во всех случаях доньшки перевернутых вверх дном сосудов орнаментированы. [44, рис. 15,2; 25; 30; 32].

Поставленные вверх дном сосуды являются одним из характерных признаков культовых памятников Урала и Западной Сибири – Велижаны 2, Сопка 2 [45], Гляденовское костыще [46], а также жертвенных комплексов могильников разных эпох, начиная с энеолита.

Из перевернутых вверх дном сосудов на Чудской Горе особенно интересен №63, обнаруженный в северо-западном углу культовой площадки в жертвенной яме №18 (рис. 12, Б, 2). Яма округлой формы, диаметром 1,4 м, глубиной 0,4 м была заполнена углистым слоем с пятнами прокаленной земли и углей. У восточного края ямы находилось скопление из костей конечностей и зубов лошади, лося и собаки (определение В.П. Данильченко).

В центре ямы на уровне пола постройки 2 поверх прокаленного слоя земли стояли два перевернутых вверх дном сосуда. Один из них имел орнаментированное доньшко. Рисунок состоял из восьми линий (лучей), отходящих от центра дна и образованных глубокими насечками (рис. 13, 1-4).

Расположение элементов рисунка на поверхности доньшка было зафиксировано в полевых условиях с учетом местоположения сосуда и ориентации участков раскопа.

В процессе дальнейшего изучения орнамента на сосуде, с учетом его положения *in situ* и ориентации культовой площадки, было установлено, что сплошная линия на рисунке из семи насечек была направлена по линии север-юг (рис.12, Б, 2; 13, 1, 3, 5). К ней примыкали с западной и восточной стороны по три линии, состоящие из трех (2), четырех (3) и шести (1) насечек. Учитывая характер памятника и местонахождение сосуда на краю высокого (10 м) склона с далеко просматриваемым горизонтом, рисунок был проверен на возможное соответствие направления линий-лучей значимым солнечным и лунным азимутам.

Выяснилось, что по отношению к центру внешней поверхности дна сосуда, расположенного на середине линии север-юг, все остальные шесть линий достаточно точно, если учитывать характер и условия нанесения рисунка, совпадают со значимыми лунными азимутами для географической широты расположения памятника (рис.12, Б, 2; 13, 5). Здесь оказались представлены направления, соответствующие азимутам восхода (27°) и захода (334°) Высокой полной луны в зимнем солнцестоянии, захода в дни равноденствий (285°), а также восходов полной Низкой луны в дни зимнего (54°) и летнего (126°) солнцестояний. Ориентация одной из линий имеет двоякое значение: по отношению к центру доньшка внешним концом она была направлена в сторону захода солнца в зимнем солнцестоянии

(222°), а по отношению к северному концу центральной линии – на заход Высокой луны в летнем солнцестоянии (203°).

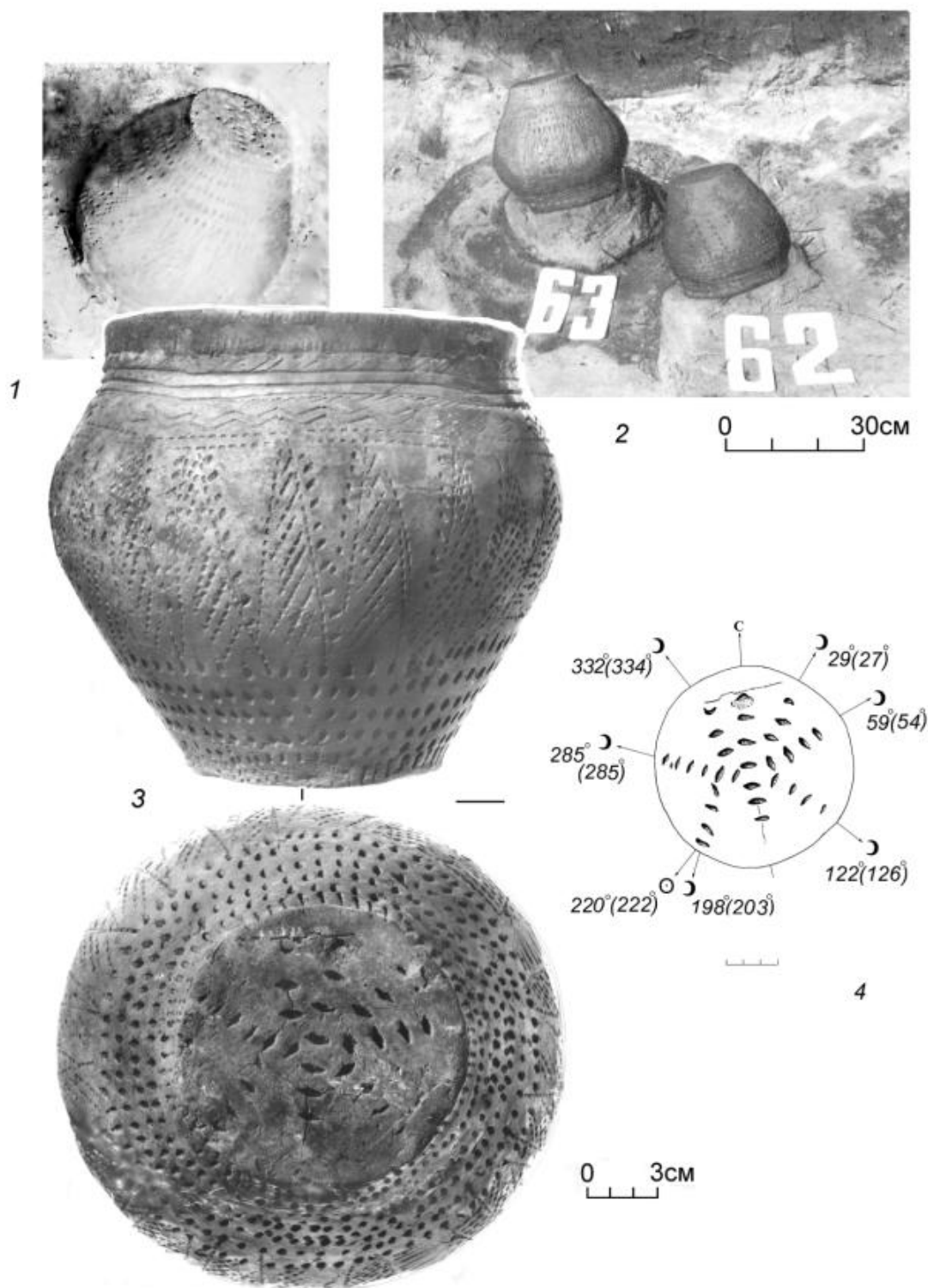

Рис. 13. Чудская Гора.

1 – сосуд № 63 после расчистки (in situ); 2 – яма 18 с сосудами №№ 62, 63 после расчистки верхнего заполнения; 3 – сосуд № 63; 4 – рисунок на дне сосуда № 63 с указанием ориентации деталей: в скобках указаны значения азимутов восходов и заходов солнца и луны для широты расположения памятника, вне скобок – наблюдаемые направления.

Подобное расположение деталей рисунка на дне перевернутого вверх дном сосуда на поверхности культовой ямы, расположенной на краю высокого склона святилища с напольной стороны, на наш взгляд, может свидетельствовать о календарном содержании орнамента, связанного с лунными циклами. Сосуд мог использоваться в качестве лунного календаря в обрядовой практике или как символ такого календаря.

Орнамент по всей поверхности этого сосуда очень нарядный и по самым беглым подсчетам несет в себе определенный календарный счет, что требует специального исследования. Несомненно одно: этот орнамент на сосуде, перевернутом вверх дном, являлся отражением солярной или небесной символики (рис. 13, 3).

Второй сосуд (№89) с восьмилучевым рисунком из ямок на дне (рис.14, 3) был обнаружен М.Ф. Косаревым в первый год раскопок на Чудской Горе у южного края культовой площадки (рис.12, Б, 3) в постройке 1 на участке А-4 [47, рис.7]. Подобные изображения из двух перекрещивающихся прямых крестов традиционно рассматриваются в качестве солярных и небесных знаков. Рядом у очага из обожженной глины были найдены еще четыре сосуда. В полутора метрах южнее во входном коридоре со стороны реки находилось большое кострище №18, вокруг которого располагались семь сосудов (рис.14, 1, 5, 6), два из которых были перевернуты вверх дном. Здесь же был обнаружен бронзовый идольчик (рис. 12, Б, 3; 14, 2), лежавший плашмя головой на север [48, рис. 53, 1, 3, 4, 8, 9].

Фаунистический материал, преимущественно кости черепов и конечностей разных животных (329 единиц костей от 83-х особей, определение В.П. Данильченко), наполовину принадлежит лошади как по числу костей (159), так и особей (34). Далее следуют крупный рогатый скот (82 единицы костей от 23 особей), собака (41 / 10), лось (20 / 8), кося (18 / 6), по одной особи выдры и куницы. Эти данные свидетельствуют, что особый статус лошади, как жертвенного животного, оформившийся в Тоболо-Иртыше еще в энеолите (Савин 1), получил свое дальнейшее развитие в последующие эпохи, вплоть до этнографической современности [49].

Особенностью остеологической коллекции культового места Чудской Горы является многочисленность костей собаки и присутствие человеческих останков (5 случаев неполного состава костей скелетов), что может свидетельствовать об использовании собак и людей в ритуалах жертвоприношений сузгунского населения.

Во время совершения обрядовых действий значительная часть костных остатков сжигалась, на что указывают большие и малые кучи золы, обнаруженные как в помещениях, так и за их пределами, содержащие множество пережженных или обугленных костей.

Таким образом, способ организации сакрального пространства и формы проявления ритуальной деятельности на Чудской Горе в сузгунское время имеют свою специфику. Культовые постройки составляют сакральный комплекс, обособленный на специально отведенном месте и определенным образом оформленный, где совершались разного рода церемонии. Одновременно культовые сооружения являлись неотъемлемой частью укрепленного поселка.

В данной ситуации реально предположить, что на территории поселка проживали люди, отвечавшие за поддержание в порядке объектов сакрального комплекса, соблюдение календарных сроков обрядов, подготовку и проведение общественных ритуалов жертвоприношений и иных обрядовых действий. Высокий статус святилища обуславливал высокое положение этих служителей культа в обществе. Формирование основ западносибирского шаманизма предполагается в эпоху развитой бронзы [50]. Однако

материалы энеолитических святилищ Притоболья свидетельствуют, что начало этого процесса относится к более раннему времени.

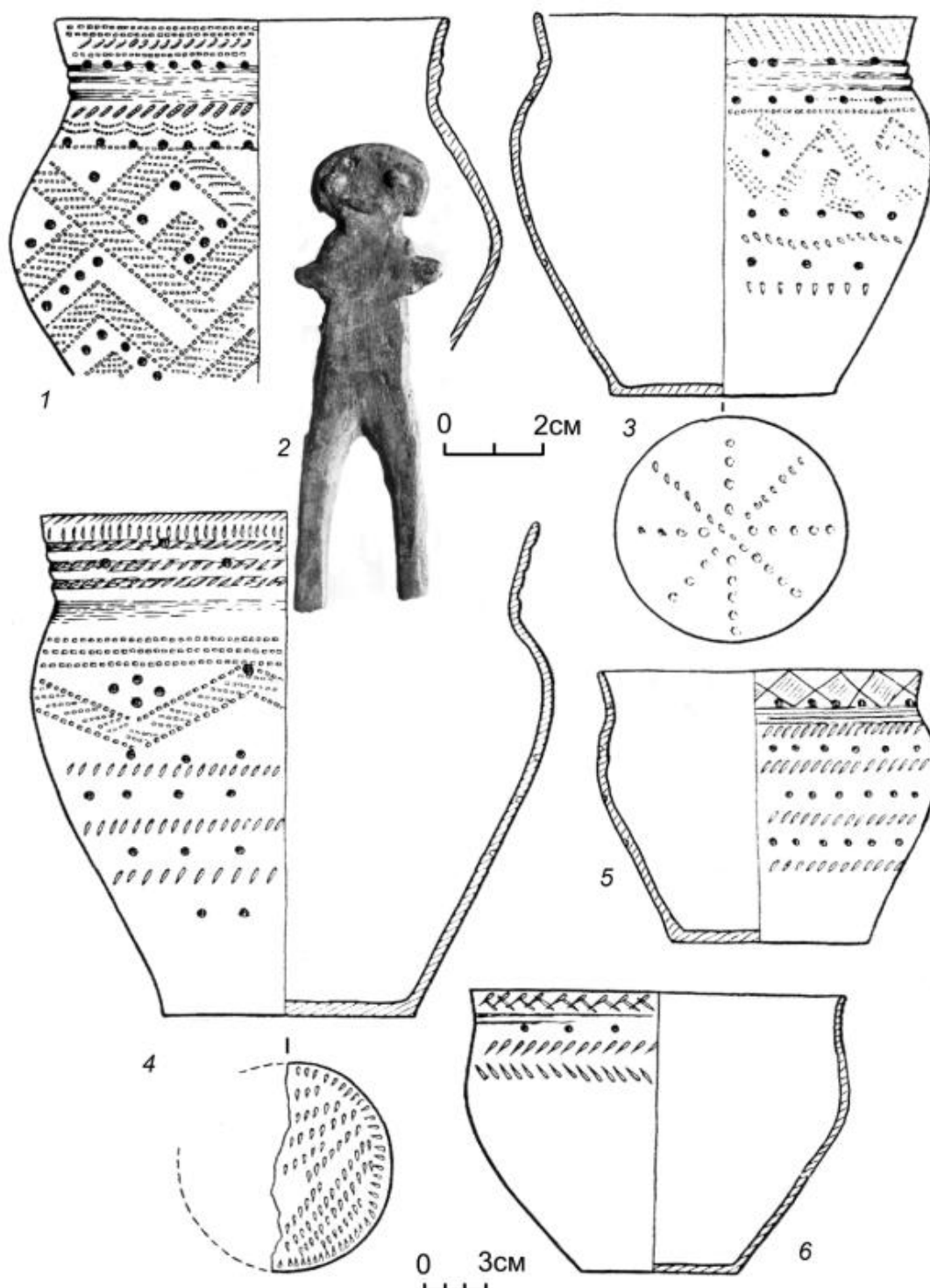

Рис. 14. Чудская Гора. Вещественный материал.

1-6 – сосуды и бронзовый идолчик (постройка 1, кв. А, Б/4, очаг 18). 1-6 – по М.Ф. Косареву [51, рис. 53, 1, 3, 4, 7-9].

Таким образом, все археологически фиксируемые проявления культово-обрядовых действий сузгунского населения бронзового века на памятниках Сузгун 2 и Чудская Гора свидетельствуют, что святилища посещались людьми из прилегающей округи достаточно

большого территориального охвата с той или иной периодичностью на протяжении длительного времени. Это подтверждается не только мощностью культурных наслоений, но и присутствием в керамических коллекциях посуды как раннего, так и позднего облика.

Выводы

Итак, изложенные материалы свидетельствуют о сходстве ритуальной обрядности, совершаемой на святилищах энеолита и бронзового века на рассматриваемой территории Западной Сибири. Одновременно на каждом из них имеются свои особенности, связанные с планировкой и устройством мест совершения жертвоприношений, а также со спецификой самих жертвоприношений. На одних (Велижаны 2, Сузгун 2) в качестве жертвенных даров божествам выступали только сосуды с пищей и отдельные сакрально значимые предметы; на других (Савин 1, Слободчики 1, Чудская Гора) - наряду с сосудами большое значение придавалось жертвоприношениям животных. Эти особенности, вероятнее всего, связаны со спецификой природно-климатических и исторических условий, а также направлением и характером связей населения.

В то же время на всех рассмотренных святилищах присутствуют общие признаки, характерные для культовых мест, фиксируемые археологически и, что особенно важно, встречающиеся в совокупности и тем самым свидетельствующие о сакральной нагрузке памятника. Основные структурообразующие признаки древних святилищ сохранились у населения таежного Тоболо- Иртышья вплоть до этнографической современности.

Наиболее информативны для реконструкции космологических представлений древнего населения энеолитические круглоплановые святилища со столбовыми конструкциями, образующими четкую систему астрономических ориентиров. Привлечение данных астрономии как науки, основанной на точных методах исследования, придает выводам, связанным с древним и традиционным мировоззрением, определенную доказательную силу, выверенную системой расчетов, как правило, не свойственной гуманитарным наукам.

В вопросах моделирования древних астрономических знаний и космологических представлений, связанных с пространством и временем, археоастрономические исследования имеют особое значение [52]. При этом важно подчеркнуть, что данные археоастрономии должны использоваться не как самоцель, а как один из методов работы с археологическими источниками на междисциплинарном уровне. Сопоставление археологических и археоастрономических данных с этнографическими, мифологическими, фольклорными, природно-климатическими и другими свидетельствами значительно расширяет круг наших представлений о космологических представлениях древнего населения и наполняет их более конкретным содержанием.

Это убедительно доказывается тем фактом, что выявленные на ряде нео-энеолитических круглоплановых святилищ Западной Сибири астрономические ориентиры (рис. 2; 9) приурочены к основным положениям солнца и луны. Подавляющая часть зафиксированных в древности азимутов главных светил соответствует их наиболее значимым циклам - заходам и восходам солнца в дни равноденствий и солнцестояний, крайним позициям и фазам луны, фиксирующим таким образом смену определенных отрезков времени (сезонов года, дня и ночи и т.п.). Как показывают исследования, наблюдения за астрономическими явлениями были тесно связаны с хозяйственной деятельностью, бытом и календарной обрядностью древних обществ.

Особое значение на культовых объектах имели ориентиры, связанные с азимутами Высокой и Низкой луны в крайних позициях, имеющих отношение к 18,6 летнему циклу (так называемому Метонову циклу). В это время, преимущественно в дни солнцестояний и равноденствий или близкие к ним, луна, земля и солнце выстраиваются в один ряд, в результате чего одно из двух светил оказывается в тени и в зависимости от ситуации происходит солнечное или лунное затмение. Знания этих космических явлений уже имели место в жреческой среде населения эпохи энеолита и бронзы Урало-Сибирского региона и широко использовались служителями культа в ритуально-обрядовой практике. Это заключение основано на результатах исследований автора данной публикации на ряде культовых памятников рассматриваемого региона [53-55] и прилегающей территории Севера Восточной Европы [56, рис.11], [57]. Здесь хотелось бы подчеркнуть, что указанные выше древние астрономические знания, имеющие отношение к затмениям солнца и луны, выявлены автором данной статьи для населения III-II тысячелетий до н.э. впервые и не известны нам в других публикациях по археоастрономии, по крайней мере в России. Доказательствами данного тезиса является фиксация разного рода метами азимутов солнца, Высокой и Низкой луны и другие артефакты, полученные на исследованных раскопках памятниках.

Приведенные в статье результаты исследований показывают, что основные требования к сакральному оформлению круговых святилищ включали ряд признаков, связанных с ландшафтной привязкой, планировкой и архитектурой сооружений: кольцевые рвы; прямоугольные углубления в центре; разного рода столбовые конструкции; валы кольцевые и вытянутые в направлении запад-восток на линии центральной оси круговых сооружений (рис. 1; 2; 2А, 1; 3; 4; 4А, 2; 9; 12). Сходная планировка и архитектура культовых сооружений с астрономическими ориентирами представлена на круговых святилищах Европы [58, 59], в курганах-святилищах Северного Причерноморья [60-62].

Следует отметить, что каждый вид достаточно исследованных раскопками святилищ и культовых объектов, на которых четко представлены астрономические ориентиры, свидетельствующие об определенных астрономических знаниях древнего населения, имеют свою специфику фиксации азимутов светил, особенности функционирования и характер ритуально-обрядовых действий. Например, на ритуальных комплексах грунтовых могильников раннего бронзового века такими метами значимых солнечных и лунных азимутов, наряду со столбами, были рвы и ямы, куда приносились также разного рода жертвоприношения [63, 64]. На круговых поселениях-святилищах Зауралья этого времени ориентацию основных светил наряду со столбовыми конструкциями и ямами для жертвоприношений отражали также планировка и архитектура жилищных сооружений и всего поселка в целом [65]. На мегалитических памятниках Урала эпохи бронзы такими ориентирами были ряды менгиров, отдельные менгиры, кромлехи, дольмены, тоннели и др. [66, 67]. На скальных святилищах Онежского озера на конкретные солнечные и лунные азимуты указывали специфические солярные и лунарные знаки, сочетающиеся с изображениями животных, выбитые на скалах [68, 69].

Отражением конкретных представлений о космосе на указанных видах культовых памятников с астрономическими ориентирами являются также следы различных ритуальных действий: разведение многочисленных костров; приношение в жертву животных, сосудов с пищей, орудий труда и оружия; отдельные ритуальные захоронения людей и человеческих черепов (рис. 5, 1 – 8; 13, 1-3). Не менее значимую информацию несут также отдельные предметы (рис. 5, 2; 7, 1, 2 – 5) и орнаменты на сосудах (рис. 7, 3;

13, 3, 4; 14, 2). Большое значение для полноты и достоверности реконструкций имеет планиграфическое распределение находок на очерченной сакральной площадке, приуроченность скоплений к выявленным астрономическим ориентирам.

Общая архитектура рассматриваемых культовых объектов (рис. 2; 2-1; 2а-1; 9; 11; 12), присутствие на них астрономических ориентиров, характер выявляемых ритуально-обрядовых действий (рис. 5, 1 – 8), приуроченных в основном к восходам и заходам основных светил в значимые дни года (рис. 1, 3; 4, 2), особенности отдельных находок (рис. 7, 1-5; 13; 14, 2, 3) свидетельствуют о четко сложившихся космологических представлениях. Представленные в статье материалы позволяют предполагать, что уже в конце неолита-энеолите у населения Западной Сибири, как и в Европе, оформилась трехчастная модель мира в ее горизонтальной и вертикальной проекциях с делением Вселенной на три основные сферы (верхнюю, среднюю и нижнюю) [70 - 78].

Повсеместно горизонтальная модель на всех видах культовых объектов четко прослеживается на примере общей планировки и архитектуры, а также основных их архитектурных элементов: кольцевых и прямых рвов, валов, кромлехов, входных коридоров и проходов, столбовых конструкций, жертвенных ям, кострищ, рядов и отдельно стоящих менгиров, приуроченных к ним артефактов и др. Как правило, большинство этих объектов ориентированы по азимутам восходов - заходов солнца и луны в крайних позициях в дни равноденствий и солнцестояний (рис. 1, 3; 2, 1, 2; 4, 2; 4А, 1; 9). Связь этих конструкций с Верхним (светлым) и Нижним (темным) мирами была основана в представлении древних на появлении диска восходящего солнца или луны и их исчезновении в зафиксированных метами направлениях в разные сезоны года.

Средний мир, чаще всего, ассоциировался с сооружениями в центре очерченной кольцевыми рвами, валами, столбовыми конструкциями, кромлехами и т.п. площадок, где в качестве смыслового центра следует предполагать центральные столбы-гномоны или крупные менгиры.

Вертикальная трехчастная модель Вселенной также выявляется по материалам энеолитических святилищ и курганов, где каждый из трех миров этой модели несет практически ту же смысловую нагрузку, что и в горизонтальной проекции. Возможность с помощью столбов и крупных менгиров отмечать значимые положения и смещение основных светил на небе сыграла здесь первостепенную роль (рис. 1, 3; 2, 1; 2А, 1; 3, 1). Таким первым и самым простым астрономическим инструментом был гномон – вертикальный столб, установленный на площади, где размечались положения его тени в разные дни и часы (рис. 3, 1).

По аналогии с материалами святилищ Горбуновского и Шигирского торфяников на Урале, где хорошо сохранились деревянные конструкции и изделия, можно предположить, что отдельные столбы на святилищах Савин 1, Велижаны 2 и других культовых объектах, также могли быть оформлены в виде идолов и отмечены разного рода знаками, изображениями [79, рис. 8, А, Б; 171, рис. 12, 1]. Отдельные столбы-меты на святилищах могли обозначать также мировое или космическое дерево, к разным частям которого были приурочены определенные миры. Часть столбов могла одновременно являться «жертвенными столбами», на которые вывешивались и к которым крепились (или помещались у их подножья) разного рода жертвоприношения, что подтверждается характером и условиями залегания находок в заполнении многих столбовых ям (рис 2; 2 -1; 3, 2, 3; 5, 1-8; 9; 11; 13; 14). По представлениям древних, столбы-ориентиры, как и мировое дерево, и «жертвенные столбы», соединяли Небо и Землю, были связующим звеном между

мирами. В фольклоре многих народов мира, в том числе и сибирских, сохранились представления о вершине древа жизни как месте пребывания (отдыха) солнца во время дневного путешествия по небу [80].

Привлечение данных археоастрономии при исследовании представленных в данной публикации святилищ, прежде всего с разного рода столбовыми конструкциями, позволяет сделать следующие *выводы, касающиеся космологических представлений населения в эпоху энеолита и бронзового века*, которые не могут быть получены только при рассмотрении археологических, этнологических и других гуманитарных источников.

1. Общая архитектура святилищ, специфика отдельных конструктивных деталей, также как связь основных церемоний с восходами и заходами солнца и луны в астрономически значимые дни года, свидетельствуют о существовании у древнего населения Западной Сибири, как и на других территориях Евразии в это время, космологических представлений, связанных с *солнечным и лунным культами*. Солнце здесь выступало в качестве главного или одного из главных божеств. Луна в этом пантеоне занимала не менее значимое место.

2. *Большие жертвоприношения*, в зависимости от территории расположения памятника и занятия населения, совершались либо в дни солнцестояний (Велижаны 2, Сузгун 2), либо в дни *равноденствий* (Савин 1, Чудская Гора). В последнем случае больше данных в пользу дней осеннего равноденствия (сентябрь – октябрь), когда начиналась массовая охота на копытных животных, основанная на сезонности миграций этих животных.

3. Судя по материалам исследования святилища Савин 1, *существовал определенный ритуал в обращении с жертвенными животными*, в зависимости от времени года, масштаба жертвоприношений, положения основных светил на небосводе (восход-заход и т.п.), статуса божеств, которым предназначались жертвы [81]. В дни массовых жертвоприношений часть мяса жертвенных животных, по всей вероятности, съедали присутствующие на обряде; часть - вместе с орудиями и сосудами с пищей «преподносились» почитаемым божествам, ассоциируемым в первую очередь с солнцем и луной, для чего складывались преимущественно у столбов, маркирующих азимуты восходов и заходов этих светил, и бросались в огонь, горевший во рву и отдельных ямах рядом со столбами.

Основные жертвоприношения на святилищах, имеющие точную астрономическую привязку к дням солнцестояний и равноденствий, вероятнее всего, были связаны с календарной обрядностью, приуроченной к знаменательным периодам в жизни древнего населения.

4. Ряд установленных путем корреляции фактов, прежде всего выявленная на святилище Савин 1 связь места расположения останков костей лошади, как численно преобладающего промыслового и жертвенного животного, с азимутами восхода солнца в значимые дни года позволяют предполагать, что *представления о связи образа коня с солнцем оформились уже в энеолите*. Вероятнее всего, это следует увязывать с началом процесса доместикации лошади в волго-уральском и западносибирско-казахстанском регионах на рубеже IV-III тысячелетий до н.э.

В свете рассматриваемой проблематики нас, прежде всего, интересует, какие исторические условия способствовали формированию космологических моделей в энеолите и бронзовом веке лесостепных и южно-таежных районов Западной Сибири. Полученные на основе археологических материалов и данных археоастрономии реконструкции мировоззренческих представлений и связанной с ними обрядности,

позволили сделать вывод, что основные принципы понимания Вселенной оформились на рассматриваемой территории в энеолите в результате активных связей местных охотников и рыболовов с ранними скотоводами западных и южных территорий. Имеющиеся археологические материалы свидетельствуют о преобладании в эпоху энеолита южного и юго-западного направления контактов [82].

Для энеолитического населения лесостепного и южнолесного Тоболо-Иртышья одним из таких последствий явилось опосредованное многоступенчатое и поэтапное восприятие космологических моделей раннеземледельческого населения, выразившееся в сооружении круговых святилищ с астрономическими ориентирами. Именно они наиболее соответствовали дальнейшему прогрессу общества, связанному со становлением производящего хозяйства, основанного преимущественно на коневодстве – Савин 1, Ботай, Кожай [83, 84].

Следующая более широкая и мощная миграционная волна степных индоиранских групп населения в лесную зону происходит в эпоху средней бронзы (XVI-XIV вв. до. н. э.) и связана с носителями культур андроновской общности. С андроновскими культурами связаны глубокие изменения в материальной и духовной культуре таежных народов, которые сохранили специфический андроновский колорит до этнографической современности. Особенно заметный след андроновские традиции оставили в культуре манси и хантов.

Важным свидетельством древних контактов зауральского угорского населения с индоевропейцами (индоиранцами) являются результаты этнологических исследований в Западной Сибири, которые в значительной мере дополняют имеющиеся археологические и антропологические свидетельства.

В облике культуры хантов и манси этнологи отмечают, наряду с общесибирскими, немало черт южного характера, в числе которых следы коневодства в прошлом, культ коня, своеобразные формы жилищ, одежды, утвари, геометрических орнаментов, религиозных верований, обрядов, фольклора, произведений искусства, наличие сходных с индийскими терминов. Близки индийским и представления об огне. Отличительные черты культуры обских угров, выделяющие их из ряда всех остальных сибирских народов, теснейшим образом связаны с индоиранским компонентом (одним из трех основных) их происхождения [85].

К выводам об особенно интенсивном взаимодействии хантов и манси с иранскими элементами по сравнению со смежными территориями приводит изучение мифологии народов Сибири [86]. При этом исследователи обращают внимание не только на отдельные элементы, но и целые схемы, объединяющие следы иранского влияния. Прослеживается глубокий и обширный иранский пласт угорского религиозно-языкового сознания [87].

Наблюдаемые особенности физического типа западных манси, отличающие их от остальных обско-угорских групп, объясняются наличием в их составе европеоидного компонента. Это, в совокупности с данными этнографии и археологии, ставит вопрос об особых путях формирования манси и хантов [88].

Моделируемые по материалам раскопок описанных выше святилищ энеолита и бронзового века мировоззренческие представления и культово-обрядовая практика находят поразительные параллели в верованиях и культах обских угров. Одновременно структура святилищ и совершавшийся там характер обрядов соответствовали уровню мировоззренческих представлений на широкой территории обитания народов индоевропейской семьи, в том числе индоиранских. Это позволяет предполагать начало

сложения иранского пласта угорского религиозного сознания уже на рубеже IV-III тысячелетий до н.э. Именно к этому времени, в свете вышеизложенного материала, относится проникновение индоевропейского (индоиранского) субстрата в угорскую среду носителей культур гребенчатого геометризма лесостепного Зауралья [89].

Наиболее ярко древние истоки космогонических представлений с индоевропейскими (индоиранскими) заимствованиями проявляются в следующих аспектах мировоззрения обских угров [90, 91]:

а) особенности ландшафтной привязки культовых объектов, приуроченных к возвышенным участкам поверхности с хорошо обозреваемым горизонтом;

б) сходство структурообразующих элементов сакрализованного пространства, которыми, как правило, являлись специальные места для хранения культовых предметов (амбарчики), очаги-кострища, деревянная антропоморфная скульптура (идолы), столбы или деревья, к которым привязывали приклады и вешали шкуры животных вместе с головой и конечностями и др.;

в) существование представлений о трехчастной вертикальной и горизонтальной модели Вселенной, основанной на понятиях о Верхнем, Среднем и Нижнем мирах;

г) конструктивные особенности специальных (для совершения особо значимых ритуалов) шаманских чумов, по архитектурным особенностям планировки и совершаемым там обрядовым действиям близких круговым энеолитическим святилищам [92, рис. 11].

д) сходство религиозной скульптуры, мало изменившейся со времени энеолита и бронзового века по характеру изображений и манере исполнения;

е) присутствие в космологических представлениях в качестве основных культов солнца, луны, огня;

ж) значительное место культовой роли коня в религии, фольклоре, изобразительном искусстве и шаманском ритуале;

з) специфика обрядов, относящихся к культу мирового (священного) дерева, в основе которых лежит концепция трехчастной модели Вселенной;

и) близость «сценария» жертвоприношений и других церемоний, прежде всего, посвящаемых главным божествам Верхнего мира – небу, солнцу, луне;

к) связь обрядности с календарной системой, обусловленной сезонными изменениями и связанными с ними хозяйственными циклами и традициями; соответствие основных праздников весне и осени как началу наиболее важных в промысловом отношении периодов и приуроченность их в большинстве случаев к дням равноденствий [93, 94].

Следовательно, по археологическим данным ранние проявления мировоззренческих представлений, известные из угорской этнографии, встречаются уже в эпоху позднего неолита и энеолита. Это позволяет утверждать, что все рассмотренные выше основные признаки традиционной атрибутики культовых мест и ритуальной практики обских угров, известны на территории их расселения с более древнего времени, чем предполагалось исследователями ранее. В свете новых данных нижняя граница угорской культовой традиции может быть определена не усть-полуйским временем (III в. до н.э.- IV-V вв. н.э.) [95, 96], а периодом существования урало-казахстанской энеолитической общности гребенчато-геометрической керамики (последняя четверть IV- конец третьей четверти III тысячелетия до н.э.).

Выявляемая на протяжении нескольких тысячелетий устойчивость основных элементов культовых мест в целом и совершавшихся там ритуалов несомненно свидетельствует об устойчивости культовой практики. Вероятно, те ее признаки, которые присущи древности и

этнографической современности, несли наиболее значимую функциональную нагрузку и являлись ее структурообразующими элементами. В их числе те из них, которые возникли в угорской аборигенной среде под влиянием индоиранского населения, трансформировались в соответствии с местными условиями и сохранились в лесной зоне благодаря преемственности культурных традиций, близости этнического состава населения и специфики среды обитания практически до этнографической современности. Эти ритуалы связаны со всеми аспектами общественного бытия древнего человека.

Литература

1. Зданович Д.Г., Кириллов А.К. Данные археоастрономии к реконструкции пространственно-временной модели, обряда и абсолютных дат кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн.1. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2002, с. 106 -110.
2. Кириллов А.К., Зданович Д.Г. Археоастрономические исследования в степном Зауралье: укрепленные поселения «Страны городов» и их окрестности // Астрономия древних обществ. М.: Наука, 2002, с.151 -161.
3. Потемкина Т.М. Мегалитические памятники Южного Зауралья (к вопросу об особенностях функционирования) // Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии. Красноярск: Изд-во «Город», 2009, с. 36-58.
4. Потемкина Т.М., 2011. Мегалитические сооружения Урала: структура сакрального пространства // Вестник археологии, антропологии и этнографии. №2 (15). Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010, с. 10–34.
5. Потемкина Т.М. Поселение или культовый центр (К вопросу о функциях поселений ташковской культуры с круговой архитектурой) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб, 2012, с. 188 – 195.
6. Потемкина Т.М., Грушин С.П. Телеутский Взвоз I: организация сакрального пространства ритуально-погребального комплекса раннего бронзового века (методика и методология исследования) // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. К 80-летию С.В. Студзицкой и М.Ф. Косарева. Томск: Аграф-пресс, 2012, с.188-205.
7. Потемкина Т.М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степей Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001, с. 166 -185.
8. Потемкина Т.М. Динамика мировоззренческих традиций южно-таежного Тоболо-Иртышья (от энеолита до средневековья) // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. М., 2006, с. 120 – 140.
9. Потемкина Т.М. Динамика мировоззренческих традиций южно-таежного Тоболо-Иртышья (от энеолита до средневековья) // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. М., 2006, с. 151 – 188.

10. Потемкина Т.М. Древние святилища как источник мировоззренческих традиций (по материалам Обь-Иртышья) // Миф, обряд, ритуальный предмет в древности. Главный редактор чл.-кор. РАН С.А. Арутюнов. Екатеринбург – Сургут, 2007, с. 197-223.
11. Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. Свод археологических источников. В4–12(2). М., с. 73, 110.
12. Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. М., 2003. с. 303-304.
13. Потемкина Т.М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степей Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001, с. 219 -233.
14. Потемкина Т.М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степей Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001, с. 166 -185.
15. Потемкина Т.М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степей Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001, с. 166 -185.
16. Потемкина Т.М., Юревич В.А. Из опыта археоастрономического исследования археологических памятников (методический аспект). М., 1998. с. 29-41.
17. Косарев М.Ф. Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987, с. 314 – 317.
18. Потемкина Т.М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степей Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001, с. 220.
19. Вохменцев М.П. Историко-культурные параллели зауральским памятникам с круговой планировкой // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Вып.1. Тюмень, 1997, с. 9-10.
20. Вохменцев М.П. Энеолит лесостепного Притоболья. Автореф. дис... канд. ист. наук. М, 2000а, с. 15-16.
21. Вохменцев М.П. Энеолит лесостепного Притоболья. Дисс... канд. ист. наук. Архив ИА РАН. Р – 2, № 2650, М., 2000, с. 86-90.
22. Дрябина Л.А. Энеолитическое святилище Велижаны II под Тюменью // Материалы научно-практической конференции «Словцовские чтения», посвященной 150- летию И.Я. Словцова. Тюмень, 1995, с. 37-38.
23. Дрябина Л.А. Реконструкция ритуалов на энеолитическом святилище Велижаны-2 // Человек в пространстве древних культур. Материалы всероссийской научной конференции. Челябинск, 1993, с. 60-62.
24. Потемкина Т.М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степей Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001, с. 166 -185.
25. Дрябина Л.А. Реконструкция ритуалов на энеолитическом святилище Велижаны-2 // Человек в пространстве древних культур. Материалы всероссийской научной конференции. Челябинск, 1993, с. 60.
26. Вохменцев М.П. Энеолит лесостепного Притоболья. Дисс... канд. ист. наук. Архив ИА РАН. Р – 2, № 2650, М., 2000, с. 90.

27. Потемкина Т.М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степей Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001, с. 173, 222.
28. Потемкина Т.М. Календарно-обрядовая практика населения Зауралья в III тысячелетии до н.э. // Археoaстрономия: проблемы становления. Тезисы докладов международной конференции. М., 1996, с. 115 -119.
29. Потемкина Т.М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степей Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001, с. 176-177.
30. Потемкина Т.М., Юревич В.А. Из опыта археоастрономического исследования археологических памятников (методический аспект). М., 1998, с. 32.
31. Потемкина Т.М. Динамика мировоззренческих традиций южно-таежного Тоболо-Иртышья (от энеолита до средневековья) // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. М., 2006, с. 128 – 131.
32. Дрябина Л.А. О жертвоприношениях на святилище Велижаны-2 // Словцовские чтения – 2001. Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. Тюмень, 2001, с. 87-88.
33. Дрябина Л.А. Реконструкция ритуалов на энеолитическом святилище Велижаны-2 // Человек в пространстве древних культур. Материалы всероссийской научной конференции. Челябинск, 1993, с. 60-62.
34. Вохменцев М.П. Энеолит лесостепного Притоболья. Автореф. дис... канд. ист. наук. М, 2000а, с. 15-17.
35. Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Поздненеолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986, с. 6 – 29.
36. Дрябина Л.А. Реконструкция ритуалов на энеолитическом святилище Велижаны-2 // Человек в пространстве древних культур. Материалы всероссийской научной конференции. Челябинск, 1993, с. 61.
37. Потемкина Т.М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степей Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001, с. 218-220.
38. Потемкина Т.М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степей Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001, с. 179-185.
39. Мошинская В.И. Сузгун II – памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии. № 58, 1957, с. 116 – 120.
40. Потемкина Т.М. Динамика мировоззренческих традиций южно-таежного Тоболо-Иртышья (от энеолита до средневековья) // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. М., 2006, с. 143 – 150.
41. Потемкина Т.М, Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 1995. Лесное Тоболо–Иртышье в конце эпохи бронзы. М., 1995, с. 16-34.
42. Мошинская В.И. Сузгун II – памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии. № 58, 1957, с. 118.
43. Потемкина Т.М, Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 1995. Лесное Тоболо–Иртышье в конце эпохи бронзы. М., 1995, с. 58, 85, 86.

44. Потемкина Т.М, Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 1995. Лесное Тоболо–Иртышье в конце эпохи бронзы. М., 1995, 206 с.
45. Молодин В.И. Культовые памятники угорского населения лесостепного Обь-Иртышья (по данным археологии) // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990, с. 128.
46. Новокрещенных Н.Н. Гляденовское костыще на р. Каме в Пермской области // Труды Пермской губернской Ученой архивной комиссии. - Пермь. Т. XI, 1914, с. 50, 51.
47. Потемкина Т.М, Корочкова О.Н., Стефанов В.И., 1995. Лесное Тоболо–Иртышье в конце эпохи бронзы. М., 1995, 206 с.
48. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981, с. 142-145.
49. Потемкина Т.М. Динамика мировоззренческих традиций южно-таежного Тоболо-Иртышья (от энеолита до средневековья) // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. М., 2006, с. 128-131, 174, 178-180.
50. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М., 1991, с. 192.
51. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981, с. 141.
52. Потемкина Т.М., Юревич В.А. Из опыта археоастрономического исследования археологических памятников (методический аспект). М., 1998, с. 53.
53. Потемкина Т.М. Поселение или культовый центр (К вопросу о функциях поселений ташковской культуры с круговой архитектурой) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб, 2012, с. 192.
54. Потемкина Т.М. Пространственная и временная организация ритуального комплекса Телеутский Взвоз 1 (археоастрономический аспект) // Методика исследования культовых комплексов. Барнаул: ООО «Пять плюс», 2012, с. 83-84.
55. Потемкина Т.М., Грушин С.П. Телеутский Взвоз I: организация сакрального пространства ритуально-погребального комплекса раннего бронзового века (методика и методология исследования) // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. К 80-летию С.В. Студзицкой и М.Ф. Косарева. Томск: Аграф-пресс, 2012, с. 192 -195, 198 - 200.
56. Потемкина Т.М. Лунарные и солярные символы онежских петроглифов (археоастрономический аспект) // Историко-астрономические исследования. Вып. XXXIV. Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН: отв. ред. Г.М. Идлис. М.: Изд-во физико-математической литературы, 2009, с. 252 – 271.
57. Потемкина Т.М. Знаки Луны и Солнца в наскальных рисунках онежского святилища // Уральский исторический вестник. №1 (126), 2010, с. 87 - 91.
58. Потемкина Т.М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степей Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001, с. 166 -220.

59. Потемкина Т.М. Динамика мировоззренческих традиций южно-таежного Тоболо-Иртышья (от энеолита до средневековья) // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. М., 2006, с. 124 – 140.
60. Потемкина Т.М. Особенности структуры сакрального пространства энеолитических курганов со столбовыми конструкциями (по материалам Северного Причерноморья) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004, с. 214 – 251.
61. Потемкина Т.М. Архитектурные особенности кургана Усатово I-4 // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 225. М., 2011, с. 188 -205.
62. Потемкина Т.М., Иванова С.В. Кургan эпохи энеолита - ранней бронзы у с. Редова Одесской области и его археоастрономическая интерпретация // Дискурс цивилизаций. Stratum plus №2 (2003-2004). Санкт-Петербург – Кишинев - Одесса - Бухарест. 2005, с. 145–162.
63. Потемкина Т.М. Пространственная и временная организация ритуального комплекса Телеутский Взвоз 1 (археоастрономический аспект) // Методика исследования культовых комплексов. Барнаул: ООО «Пять плюс», 2012, с. 78-84.
64. Потемкина Т.М., Грушин С.П. Методика археоастрономических исследований культово-погребального комплекса елунинской культуры Телеутский Взвоз 1 // Методика исследования культовых комплексов». Барнаул: ООО «Пять плюс» 2012, с. 85-94.
65. Потемкина Т.М. Поселение или культовый центр (К вопросу о функциях поселений ташковской культуры с круговой архитектурой) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб, 2012, с. 188 – 195.
66. Потемкина Т.М. Мегалитические памятники Южного Зауралья (к вопросу об особенностях функционирования) // Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакассии. Красноярск: Изд-во «Город», 2009, с. 36-58.
67. Потемкина Т.М., 2011. Мегалитические сооружения Урала: структура сакрального пространства // Вестник археологии, антропологии и этнографии. №2 (15). Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010, с. 10–34.
68. Потемкина Т.М. Лунарные и солярные символы онежских петроглифов (археоастрономический аспект) // Историко-астрономические исследования. Вып. XXXIV. Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН: отв. ред. Г.М. Идлис. М.: Изд-во физико-математической литературы, 2009, с. 214 – 274.
69. Потемкина Т.М. Знаки Луны и Солнца в наскальных рисунках онежского святилища // Уральский исторический вестник. №1 (126), 2010, с. 82 - 96.
70. Потемкина Т.М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степей Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001, с. 166 -185.
71. Потемкина Т.М. Особенности структуры сакрального пространства энеолитических курганов со столбовыми конструкциями (по материалам

- Северного Причерноморья) // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004, с. 214 – 251.
72. Потемкина Т.М. Динамика мировоззренческих традиций южно-таежного Тоболо-Иртышья (от энеолита до средневековья) // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. М., 2006, с. 154 – 160.
73. Потемкина Т.М. Лунарные и солярные символы онежских петроглифов (археoaстрономический аспект) // Историко-астрономические исследования. Вып. XXXIV. Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН: отв. ред. Г.М. Идлис. М.: Изд-во физико-математической литературы, 2009, с. 214 – 274.
74. Потемкина Т.М., 2011. Мегалитические сооружения Урала: структура сакрального пространства // Вестник археологии, антропологии и этнографии. №2 (15). Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010, с. 10–34.
75. Потемкина Т.М. Архитектурные особенности кургана Усатово I-4 // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 225. М., 2011, с. 206-219.
76. Потемкина Т.М. Поселение или культовый центр (К вопросу о функциях поселений ташковской культуры с круговой архитектурой) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 2. СПб, 2012, с. 188 – 195.
77. Потемкина Т.М. Пространственная и временная организация ритуального комплекса Телеутский Взвоз 1 (археoaстрономический аспект) // Методика исследования культовых комплексов. Барнаул: ООО «Пять плюс», 2012, с. 78-81.
78. Потемкина Т.М., Грушин С.П. Телеутский Взвоз I: организация сакрального пространства ритуально-погребального комплекса раннего бронзового века (методика и методология исследования) // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. К 80-летию С.В. Студзицкой и М.Ф. Косарева. Томск: Аграф-пресс, 2012, с.188-205.
79. Потемкина Т.М. Динамика мировоззренческих традиций южно-таежного Тоболо-Иртышья (от энеолита до средневековья) // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. М., 2006, с. 148.
80. Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // Труды Института этнографии. Новая серия. Том. 1. М., 1947, с. 123.
81. Потемкина Т.М. Динамика мировоззренческих традиций южно-таежного Тоболо-Иртышья (от энеолита до средневековья) // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. М., 2006, с. 128 – 129, 158 – 160.
82. Потемкина Т.М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степей Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001, с. 221-240.
83. Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск, 1993, 196-210 с.
84. Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в III тысячелетии до нашей эры. Кустанай, 1997, с. 100-123.
85. Соколова З.П. Обско-угорский феномен (Север и Юг) // III конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 1999, с. 30-36.

86. Мифология манси. Энциклопедия уральских мифологий. Том 2. Новосибирск, 2001, с. 32.
87. Топоров В.Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981, с. 146 – 150.
88. Багашев А.Н. Об особенностях краниологического типа западных манси // III конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. М., 1999, с. 102.
89. Потемкина Т.М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степей Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001, с. 225 -233.
90. Потемкина Т.М. Археoaстрономический аспект при реконструкции мировоззрения древнего населения // Российская археология. № 3, 2005, с. 55 – 59.
91. Потемкина Т.М. Динамика мировоззренческих традиций южно-таежного Тоболо-Иртышья (от энеолита до средневековья) // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. М., 2006, с. 165 - 182.
92. Потемкина Т.М. Динамика мировоззренческих традиций южно-таежного Тоболо-Иртышья (от энеолита до средневековья) // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. М., 2006, с. 167 -169.
93. Потемкина Т.М. Археoaстрономический аспект при реконструкции мировоззрения древнего населения // Российская археология. № 3, 2005, с. 55 – 58.
94. Потемкина Т.М. Динамика мировоззренческих традиций южно-таежного Тоболо-Иртышья (от энеолита до средневековья) // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. М., 2006, с. 164 -182.
95. Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // Труды Института этнографии. Новая серия. Том. 1. М., 1947, с. 113 – 115.
96. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси. Культовые места XIX – начала XX в. Новосибирск, 1986, с. 187.